ФАНТАСТИКА 2009

КИР БУЛЫЧЕВ
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ЕВГЕНИЙ МАЛИНИН

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

И ДРУГИЕ...

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данная повесть дополняет цикл, состоящий еще из двух произведений «Отечественная война 2012 года» и «Человек технозойской эры» (которые вышли в отдельной книге: Александр Тюрин. «Отечественная война 2012 года. Человек технозойской эры»)

Тайная корпорация «Омега», базирующаяся в Лондоне, использует рискованные нано- и кибертехнологии, изменяющие реальность, и подчиняет себе весь остальной мир. Для России это означает фактическое расчленение и оккупацию с помощью натовских сил, ооновских «миротворцев» и частных армий. Однако саморазвивающиеся нанотехнологии и киберобъекты стремятся к техносингулярности, выходя из-под контроля «Омеги». Когда герой и «расконсервированный» российский спецназ начинают борьбу за освобождение страны от колонизаторов, им на помощь приходят технология, с которой связано название повести: «Генерал Зима».

- Александр Тюрин
  - 1. Могикане
  - 2. Гараж офисного типа
  - 3. Криминальные лохи
  - 4. Фея стеклянной горы
  - 5. Кукла в руках принцессы
  - 6. И снова Че Гевара
  - 7. Орки на тропе войны
  - 8. Сбежавший монстр
  - 9. За что любят девушки
  - 10. Снеговик на орбите
  - 11. Возвращение Деда Мороза
  - 12. Прирожденный вождь
  - 13. Каждому цезарю по бруту
  - 14. Пуля — дура

Александр Тюрин
Генерал Зима

1. Могикане

Драться, воровать и сквернословить я научился в сорок лет. А все мои нынешние товарищи умели это самое уже с десяти. Я же в десять лет играл на фортепьяно, носил длинные волосы и бабочку. В роли бодигарда выступала тогда бабуля. И любого, кто попытался бы обидеть её «Сенечку», бабушка отправила бы в нокаут ударом кошелки по голове. Даже на войне у меня было что-то вроде бабушки, хотя мотострелковый батальон — это вам не танцевальная рота почетного караула. Если бы какой-нибудь жлоб подбил мне глаз, значит из ПЗРК пришлось бы стрелять какому-нибудь жлобу. А ПЗРК «Секира» — это почти фортепьяно. Поэтому командиры меня берегли, чуть ли не трюфелями кормили.

Нам не стоило проигрывать войну. Побежденным — горе. Побежденные еще не раз позавидуют тем, кто с честью пал на той войне. Побежденный должен доставить удовольствие победителю.

После проигранной войны у нас было только два варианта дальнейшего существования. Какой надо было выбрать, если «оба хуже», как сказал известный исторический персонаж?

Можно было получить сертификат «молодого международного профессионала». Ты садишься в позу ученика и «силы свободы», пыхтя от счастья, заправляют тебе в мозги нейроинтерфейс. Что-то происходит в гиппокампе, что-то в амигдале и других частях мозга с нежными латинскими названиями. Диффузный нейроинтерфейс растворяется в твоей голове и ты меняешь ориентацию, то есть мысли, слова, чувства. Теперь твои деды — уже вовсе не русские победы… Однако для таких как я — не слишком молодых и не слишком вертлявых, для унылого большинства — такой вариант не проходил.

А можно было превратиться в «индейца». Да, пожалуй, это сравнение благозвучно. Когда белый человек осваивал Америку, он вдруг понял, что индейцы ему в общем-то не нужны. Ни как братья по разуму, ни даже на рабочей должности — негры попроще будут, готовы бесплатно вкалывать на плантациях, только разреши им петь блюзы. А у индейцев гонор, у них амбиции, Маниту сказал то, Маниту сказал сё. И вот у индейца отнимают поле и лес, зато дают ему огненную воду и инфицированное одеяло, и стоит он в перьях и с голой задницей, пьяный и заразный. А его зоркий глаз высматривает пустые бутылки и другое вторсырье, чтобы поскорее сдать его в пункт приема. Это, конечно, не жизнь для гордого мужчины, который помнит лучшие времена.

Понятно, почему от всех могикан вскоре остается один, самый последний? Да и этот вряд ли приживется.

Индейцы принуждены воевать меж собой, только не за поле и лес, а за стеклотару и прочее вторсырье, потихоньку занимаются и каннибализмом. Откусят от тебя немножко, а если ты пропустишь момент, то уже помногу — и им это понравится. Глядишь, и ты уже в желудке. Нравственность индейцев меняется с каждым днем в худшую сторону, и когда ты смотришь на себя в зеркало, то видишь не Большого Змея, а форменную скотину, и внешнее сходство налицо…

Я работаю в артели. Мы занимаемся мусором, выдираем провода, сгребаем бумаги и тряпки, собираем металлолом, ломаем мебель и двери на доски, разбираем крыши и окна. Потом приезжают бульдозеры, экскаваторы, мусоровозы, и наконец — механохимические комбайны, напоминающие «годзиллу» в расцвете лет. Годзиллы из чего хочешь делают один единственный продукт — гербидж-плитку, аккуратные квадратики фекального цвета. Это «что хочешь» — остатки нашей собственной цивилизации. От цехов, ферм, столбов, фабричных труб, котельных, детских садиков, школ, химчисток, парикмахерских после нас остается только площадка, покрытая гэрбидж-плиткой. Вот вам и завершающий этап totalen Krieg <прим. нем. тотальная война>. Со слезами отдав честь, отправил я в пасть «годзиллы» последний советский холодильник, проработавший полвека — не чета нынешним однодневкам. Кусок за куском довоенная эпоха превращается в ноль, в белое пятно и tabula rasa.

На этом «нуле» строится новая послевоенная построссийская жизнь — люди как машины, машины как люди, тоже умные и размножаться умеют; растения как дома, и дома как растения. Они растут сами, эти бескрайние парковки, офисные гроздья, супермаркеты, макдоналдсы, стрип-бары, гей-клубы, туристические агентства, высотные дороги-скайвеи, небоскребы-кактусы, по сравнению с которыми вавилонская башня — жалкий сорняк. Одинаковая новая жизнь из саморастущего нанопланта покрывает всю поверхность Земли от Патагонии до Чукотки. Ей будут радоваться умницы-амраши, получившие сертификат молодого профессионала — American Not Russian Professional. А нам дают возможность спокойно вымереть по «естественным причинам». Были и нет, как могикане, динозавры и трилобиты. Потом можно написать, что нас сгубило изменение климата.

И в самом деле, где она — долгая Русская Зима? Где могучий Генерал Мороз, который не только сковывал наши просторы, мешая нам трудиться и приучая нас к лежанию на печке, пьянству

и сочинению сказок, но еще губил полчища завоевателей похлеще маршалов Кутузова и Жукова? Нигде. Даже посреди зимы моросит дождик, как в Уэльсе или Новом Южном Уэльсе. Но мы не в Уэльсе, а на полярном Урале. Дождик впитывается наноплантом и небоскребы растут выше, скайвеи дальше…

Что-то я загрустил, как корнет Оболенский. А на самом-то деле последнее время нашему племени откровенно везет. Фортуна, знаете, каким местом повернулась — передним. У нашего вождя завелся свой человечек в администрации дистрикта North Jugra и тот стабильно дает нам подряды на сортировку и вывоз мусора.

А последнюю неделю вообще счастье привалило. Мы разбираем не унылые руины какого-нибудь кирпичного заводика, а работаем в самом настоящем поместье. В западной его части приличная усадьба, похожая на елочную игрушку огромных размеров, сад, бассейн и детская площадка под диамантоидным куполом, прудик с золотыми рыбками, вертолетная площадка — там обитает айтишный инженер высокого уровня. А в восточной части поместья остался дом, обычная хрущевская пятиэтажка. Во время войны «силы свободы» применили здесь боевую плесень и она сожрала всё живое, прежде чем саморазложиться — замечательное, экологически чистое оружие. (И это всего лишь какие-то самореплицирующиеся дендримерные молекулы — тьфу, язык сломаешь.) Так что спим мы не на бетонном полу, а в нормальных пружинных кроватях. Перекусываем не на корточках, а на настоящих табуретках за столом. А во время, свободное от работы, мы не глотаем наркод <прим. психопрограммный интейрфейс наркотического действия, принимается орально>, а читаем письма из прошлой жизни…

Вообще, тонкая натура отличается от грубой тем, что у нее есть возвышенный идеал. Еще на войне я мечтал о том, чтобы наши ракеты «земля-воздух» не раскурочивали врага, а просто меняли у него образ мыслей и пол. Чтоб вместо грозного иностранного летуна, желающего порвать тебя на мелкие кусочки, к нам бы прилетали блондинки вроде Скарлетт Йохансон. Вот пусть они меня и побеждают в ночное время суток.

А на нынешней работе я многажды представлял себе, что стал чем-то вроде огромной губки, которая впитывает в себя всю старую жизнь на вечное сохранение. Все эти песни Майи Кристалинской и Леонида Утесова, фильмы Гайдая, подвиги пионеров-героев, дедовские ордена, переходящие вымпелы ударников труда, почетные грамоты, выданные стахановским дояркам и заслуженным учительницам, письма советских юношей девушкам-комсомолкам. О душе, а не об «этом самом»…

В пять вечера мы оборвали функционирующий коаксиальный кабель. Мы же мастера ломать, рвать, перекусывать. Кто ж мог знать, что возле заброшенного дома проходит работающий кабель. Юнга Васёк, не особо задумываясь (о чем он только думает, онанист прыщавый), перекусил многожильный КП-58 своими самозатачивающимися кусачками. И никто, за исключением трансцендентных существ, не знал, что это коренным образом переменит всю мою жизнь.

Я пошел вдоль кабеля — в нашем племени мои руки отвечали за утилизацию проводов — и где-то в пять часов пятнадцать минут оказался рядом с усадьбой инженера Кривицкого. Именно в этот момент из открытого окна на втором этаже вылетел горестный вопль и компьютерная консоль. Вопль улетел в смутный вечерний воздух, а консоль я поймал, инстинктивно подавшись вперед.

С полминуты из окна доносились неразборчивые слова на повышенных тонах, напоминающие звуки скандала, потом оттуда выглянула худющая девочка. Личико совсем как морковка, а вся, как палочник. Есть такое насекомое, я когда-то держал их у себя, целую банку. Если выразиться более элегантно, то девочка была, как палка. Воплощенная анорексия.

— Ты, кажется, забыла поесть, — сказал я вместо приветствия.

— Я просто не хочу ничего есть, — ответила «палочка». — Я не хочу жрать их еду, — акцент у нее был как у всех амрашевских деток, пытающихся говорить по-русски.

— А я хочу, — честно сказал я, ведь мы, «индейцы», никогда не врём. — Я все время хочу кнедлики, бублики, фрикадельки, клецки, патиссоны, круассаны и… Список можно продолжать хоть до завтра.

— Серьезно?

— Правда. Ты что не видишь, как у меня текут слюнки?

Потом из окна выглянула женщина. При виде меня её растерянное лицо стало строгим и гордым, как у римской матроны.

— Что вы тут делаете? — сказала она без всякого акцента, однако с типичными обертонами строгого рабовладельца.

Да, да, знаю, шабашники, вроде нас, не имеют права подходить к жилым строениям ближе чем на пятьдесят метров. Если бы на нашем месте работали биомехи<прим. нанотехнологические устройства, обладающее некоторыми функциями живых существ, такими как потребление энергии из окружающей среды, выделение, самовоспроизводство>, то им, наоборот, надлежало бы не удаляться от жилья дальше чем на

полсотни метров. Они ведь могут повредиться, переохладиться или перегреться, их могут украсть — а они, в отличие от нас, стОят ой как дорого.

— Мы случайно повредили коаксиальный кабель, ведущий к вашей резиденции — честное слово, мы не виноваты, подрядившая нас организация не указала его на плане. Я пытался понять, куда он ведет. Да вот еще это…

Я показал консоль.

— У меня чистые руки. Честно.

И в самом деле, я мыл их только вчера.

— Бросьте это в мусорный бак, — отрезала мадам. — А насчет кабеля не волнуйтесь так — я вызову нашего электрика, он сам все проверит.

— Нет, не выбрось, — из окна снова появилась девочка-палочка. — Это моя любимая консоль. Пусть дядя принесет ее сюда, а я угощу его твоими пирожными.

— Но этот господин совсем не хочет есть.

Какой фальшивый голос был у этой мадам. Но девочка сразу опровергла свою мамашу.

— Он только что сказал, что хочет. Пусть придет сюда и мы вместе поедим. Пожуем-поболтаем.

На лице женщины выписалось страдание. Ее можно было понять и даже представить себя на ее месте. Богатые тоже плачут, страдают, переживают — это нам, голи перекатной, внушили с помощью бесконечных мыльных сериалов. С одной стороны эта мадам привыкла угождать своему странному ребенку, с другой — я был для нее опасен. Какой-то подонок из низших слоев, наверняка криминальный, скорее всего, несущий биологические и информационные вирусы, инфосифилитик, сифоинфилитик. Наверное, еще год назад я застеснялся бы и оставил ее самостоятельно решать проблемы со своим ребенком. Но за этот год моя совесть куда-то подевалась, сдулась, исчахла.

— Эй, давай, поднимайся на второй этаж, — знай себе нудила «палочка». — Чего тянешь, что ты там стоишь, как памятник?

— Если вы не возражаете, хозяюшка, я зайду на десять минут. Так, наверное, будет лучше для вашей малышки. И, кроме того, мне есть, что сказать ей насчет правильного питания.

На лице женщины обозначился перелом. Душевный перелом.

— Ну, хорошо, десять. Я сейчас спущусь и открою вам.

И дверь действительно распахнулась. Чтобы я мог войти, хозяйке пришлось отключать робостража, который уже потянул ко мне свои щупальца.

— Выдохните сюда, пожалуйста.

Я дыхнул в трубку, на ней зажегся зеленый индикатор.

Теперь хоть буду знать, что у меня нет туберкулеза и серозного менингита. А вши, надеюсь, не разбегутся — не кони же.

Впрочем, дальше первого этажа мне подняться не дали. Бдительная женщина остановила меня в подсобке около кухни. Ничего такая подсобка, я бы согласился в ней прожить всю оставшуюся жизнь, особенно если будет доступ на кухню — а там картошечка сама чистится, кастрюльки сами по плите скачут на магнитных подушках, а холодильник рассказывает и показывает, какие блюда можно изготовить из всякой снеди, лежащей у него во чреве.

Вбежала девочка-палочка. Даже влетела. Похоже, ее легкое тельце перемещалось под действием сквозняка.

— Гамбургер хочешь?

— Давай вначале твою консоль проверим.

— Да дерьмово она работает, уже неделю. Поэтому я и выбросила ее в окно, когда онлайн вырубился. Папа говорит, что может ее починить, только ему неохота свое время тратить на эту окаменелость.

— Мне охота. Я тоже окаменелость.

Консоль включилась по голосовой команде и начала загружать операционку «Линукс Убунту». Штучка, в самом деле, антикварная, с корпусом из какого-то золотистого металла и изумрудными кнопками. А неисправность оказалась хиленькой — один из дисковых разделов переполнился. Сто лет неиспользовавшиеся файлы я удалил, файл подкачки уменьшил. Это минут десять у меня заняло.

— Так ты получается круче моего папы, — подытожила «палочка», дотошно проверив работу консоли.

— Я бы этого не сказал. Просто твой папа — человек будущего, а я — вождь одного маленького забытого племени, в котором кроме меня никто уже не числится.

— А где твои перья, вождь?

— Потерял, потому что носил набекрень, как матросы бескозырку. Ладно, я пошел, меня уже бизоны заждались.

— Ты ж голодный, — напомнила девочка. — У нас весь холодильник забит жратвой. А холодильник у нас здоровенный, как шкаф. Даже не понимаю, зачем нам такой холодильник?

— Попробуйте мои жареные колбаски, — вымучила из себя хозяйка, — это баварские охотничьи вурстхен.

Честно говоря, я на эти «вурстхен» набросился как бешенный зверь, с утра же почти не жрамши, у меня на свежем воздухе аппетит зашкаливает. Соблюсти декор уже не получилось. Я, если б представилась возможность, и хозяйку бы сожрал. Пухленькая такая.

— Ты присоединяйся, — переведя дух, сказал я «палочке». — Как звать твое превосходительство?

— Николь. Никки.

Что ж это с именами нынче творится? Куда Маши-Наташи подевались, растаяли что ли как снегурочки вместе с полярными льдами?

— А чего сама не ешь-то? Ты же настоящий гвоздь, Никки. Вырастешь, будешь как вешалка. На тебя тогда пальто будут вешать по ошибке.

— Уже ем, — сказала девочка и откусила от колбаски под восхищенные взгляды своей мамаши, потом еще и еще. — А я не хотела есть, потому что мир — ужасен. Он — противный!

— И плевать на мир. Чего о нем думать? Он-то про нас не думает. А чем он тебе ужасен?

И она рассказала про какого-то белого медвежонка из зоопарка, у которого слишком маленький бассейн и который никогда уже не сможет увидеть свою ледовую родину, потому что все льды растаяли.

— Медвежонок! Мне бы на место этого млекопитающего. Уж он то, не беспокойся, трескает за милую душу.

— Доктор сказал, что у некоторых детей обостренное чувство справедливости, — добавила женщина, — и они могут высказать протест только одним образом — прекратить есть, чтобы досадить своим родителям, которые для них часть этого несправедливого мира.

— Когда я досаждал своим родителям. то съедал все сладкое из буфета, — сказал я, — Спасибо, мне пора. А то бизоны действительно заждались и уже начали острить рога… Знаете, барыня-сударыня, о несправедливости Николь могла узнать только о вас. Не надо портить жизнь ребенку.

2. Гараж офисного типа

Вечер прошел неплохо, учитывая, что бригадир Иван Магометович дал только пару затрещин Ваське. Я для молодого быковатого Ивана Магометовича проходил под грифом «чудачок в пенсне» и он как-то меня сторонился. Если бы я был такой же быковатый и жлобоватый как он, только пожилой, то получил бы статус «бати» со всеми вытекающим позитивными последствиями. Но и «чудачком» быть ничего.

Ночевали мы в заброшенной гостиной, на отличных матрасах под старыми пальто, пахнущими бабушкиным нафталином. Наладили даже печурку для полного комфорта. Васёк смастерил ее из двух вёдер и канализационного сифона.

Кастрюлю картошки наварили — она возле дома росла; стало быть, какие-то бомжи сажали ее весной. От них только пятна крови на стенах остались. Это, стало быть, доблестные виджилянты постарались, очистили прекрасный новый мир от никому не нужных зверолюдей. (Виджилянты косят под «комитеты бдительных» <прим. vigilance commitee> с американского Дикого Запада, но это скорее «хашар» времен монгольского нашествия. Хитроумные завоеватели тогда использовали толпу из местных жителей. Хочешь жить — убивай своих. Хашар привыкал делать фарш из своих и уже находил в этом удовольствие.)

Бригадир ночевал в соседней комнате со своей дульсинеей, но, видно, от нее было толку мало — девятый месяц беременности. В полночь бригадир вышел на крыльцо — сердито, судя по топоту кирзачей. Слышно было, как с трудом заводится движок антикварного ЗИЛа. Добрый молодец Магометыч поехал искать любовь и ласку на трассе. А дульсинея еще через часок потихоньку разбудила меня и предложила разделить ложе.

— Ты, Сеня, не такой беспокойный, как Иван, — пояснила она. — Он вообще зверюга в постели. Закусит удила и фиг угомонится.

— Ты чего, Маринка, ерундой заставляешь заниматься, у тебе девятый же месяц.

— Десятый уже. Мне рожать пора, через неделю сынок его такой здоровый будет, сущие бес на семь кило — меня разорвёт, когда вылезать будет.

— Раз такое дело, пособить можно. Стой, а от Ивана неприятностей не будет?

— Он раньше восьми не заявится. До той стервы, к которой он катается — два часа езды в одну сторону, зато денег не берёт.

Вообще-то Маринку в бригаду привел я. Она на черном рынке своим худосочным телом торговала. В смысле, предлагала зачинать естественным путем, in vivo, и в матке ее выращивать эмбрионов — тех самых, трехнедельных, чьи клетки используются для лечения старых пердунов. Но тоща и грязна была Марина настолько, что все ею брезговали. Включая меня. Я тогда еще рассчитывал к своей супруге вернуться, морально чистым, так сказать. Когда я Маринку привел, то Магометович чуть нас обоих не побил, но потом все-таки взял её на вакантную позицию поварихи. Там она покрылась жирком, из тощей и шершавой стала гладкой, тугой и пошла на повышение — прямо в объятия командора…

Отдохнул я с Маринкой, повыгонял «беса» наружу. А она такая налитая, сисястая. Я даже пожалел, что не сошелся с ней десять месяцев назад — мог бы уловить перспективу. По сути, уже тогда не было никаких шансов вернуться к супружнице «со щитом», то есть при деньгах; каждый месяц только удалял меня от семьи, и фигурально, и буквально. Стадо парнокопытных, к которому относился и я, в поисках корма откочевывала все дальше, к северо-востоку, где было меньше смертоносной конкуренции — в оттаивающие заполярные края, которые сейчас активно застраивались. Скайвеи, нанoплантовые башни, супермаркеты-геодезики из алмазоидной пленки — эти конструкции пронзали опорами размякшую тундру, скрывая под собой обломки советских поселений.

Оказались мы, в итоге, в «Свободном государстве Jugra», привольно раскинувшемся от северного Урала к побережьям свинцового Баренцева и зеленоватого Карского моря. Здесь во времена оные служил полковником ПВО мой дед, который в 1956 завалил американский бомбардировщик — из тех, что повадились летать в район Свердловска. Как-то прочитал на обрывке съедобной «чьюинг-пэйпер», что вдова сбитого пилота ищет убийцу своего мужа или его прямого потомка, чтобы вчинить ему многомиллионный иск. Но, а пока что, моя жена прислала мне письмецо, дескать, нашла другого. Он — бизнесмен, настоящий средний класс, занимается «обесфекаливанием» туалетных кабинок… И насос для «обесфекаливания» у него собственный. Так что, по совести, я мог только порадоваться за свою супружницу и за своего сынка, который обзавелся таким крутым папой…

Оторвавшись от Маринки, я вернулся в гостиную, чтобы не повстречаться на заре со зверем-бригадиром. Покемарил пару часиков — во сне этом я почему-то сидел у Маринки в животе, в тепле, в уюте — а потом некто кинул камешек в окно. От этого

звяка один я проснулся, у меня сон никакой, чуткий. Вышел во двор с кочергой для самообороны и увидал не какого-то хулигана, а господина софтверного инженера Кривицкого. Его Хонда-Бужумбура смотрелась каким-то неестественно выпуклым сиреневым пятном на фоне серой и будто бы плоской хрущевки.

— У вас все в порядке? — спросил я, потихоньку превратив кочергу в неопознанный летающий объект. — Как крошка Николь?

— У нас в порядке, — преодолев некоторое замешательство, сказал господин инженер. — Никки еще раз отлично поела вечером. Мы просто счастливы… Извините, а у вас все в порядке?

— Елки, да лучше не бывает. Приятно хоть раз в десять лет сделать что-нибудь осмысленное. Вдобавок наелся до отвала, нашел рулон туалетной бумаги и даже побывал на приеме у мадам. Переключите ракурс, господин инженер, для нашего пространстве у меня житуха — хай-фай.

— А как с пространством общечеловеческим?

— Мистер дорогой, давайте не будем о грустном, в мире общечеловеческом я не присутствую, также как жуки, червяки и прочие сапрофиты. В порядке самоутешения я мысленно говорю себе, что жуки, червяки — это, в сущности, падшие ангелы, которые несли во Вселенной великий и могучий код ДНК задолго до этих высочек питекантропов.

— Я о друг**о**м, — сказал Кривицкий тоном очень занятого профессионала, — вы когда-то работали в ай-ти-сфере?

— Работал, — с законной гордостью отозвался я. — Только по сравнению с нынешней работой я бы назвал это активным отдыхом. Помнится, весь день проводишь на мягком стуле, на тебя дружески смотрит экран компьютера, ты культурно играешь в «Цивилизацию», а это вам не какая-нибудь стрелялка для спрямления извилин. В комнате тепло, светло, сухо, вокруг все умытые, с чистыми ногтями, у секретарши — кофе в кофейничке и сахара бери, сколько хочешь. То есть, вы меня не слушайте, воспоминания — сладки, если в наличии нет других сладостей.

Кривицкий поморщился, видимо инструктора по фитнессу запретили ему есть сладкое.

— А хотели бы снова вернуться в профессию?

— Да, я много чего хочу. И в самых сладких снах мои мечты сбываются.

— Размер примитивного типа long в языке Java? — спросил он.

— 64 бита.

— Метод equals сравнивает объекты или ссылки на объект?

— Если его не переопределить, то объекты, ваше

технопревосходительство.

— Что необходимо сделать, чтобы две функции не мешали друг другу при доступе к объекту.

— Использовать модификатор synchronized для метода доступа.

— Как создать сортируемый набор объектов?

— Применить какую-нибудь реализацию интерфейса set, например HashSet.

— Ладно, садитесь в машину.

Тут я понял, что Фортуна дает мне шанс, хотя, как женщина, не будет особенно заботится о том, чтобы я его использовал.

— Простите, я не одет, — смущенно залепетал я, всё еще не решаясь выйти из привычного русла.

— Садитесь, садитесь, — проявил настойчивость инженер Кривицкий. — Мы едем к работодателю. Моя жена подобрала для вас необходимые вещи, лет пять назад я был в той же комплекции, что и вы.

Что ж, «свет не клином сошелся на одном корабле, дай, хозяин, расчет».

У Кривицкого в машине и одноразовая бритва нашлась (типа стикера, прилепил — отодрал щетину), и ножнички, выгрызающие сотнями лезвий многолетнюю грязь из-под ногтей, и могучий дезодорант, который бы кучу фекалий заставил благоухать, как розовый куст. И кофейник тут, и тостер — просто жизненное пространство на колесах. А еще у него в машине голографический телевизор, дикторша будто в соседнем кресле сидит, на Кривицкого ласково смотрит, да еще и по имени его называет. Понятно, что это бортовой компьютер свои усовершенствования в передачу вносит, но всё равно впечатляет. А потом дикторша ко мне полуобернулась и тоже по имени назвала. Нежно так, хотя и с иностранным акцентом: «Саймон Иваноувич». Я аж подпрыгнул, но потом сообразил, что борт-компьютер мой ID-чип просканировал.

— Улыбайтесь поменьше, — посоветовал мне инженер, — такие зубы, как у вас, в общечеловеческом пространстве не носят.

— Улыбаться поменьше — это нетрудно. Я теперь грустить буду, вы меня так расстроили.

— И поменьше рассказывайте о себе. В предварительном разговоре я представил вас работодателю, как личность, пострадавшую от прежнего режима и временно потерявшую трудоспособность. Чтобы от вас не потребовали сертификата.

— Пострадавший от прежнего режима? Неужели вы представили меня растлителем малолетних?

— Я ценю ваше чувство юмора, Семен Иванович, но,

постарайтесь сейчас сосредоточиться на самом главном.

А вот уже и приехали. Очень мне не хотелось из лимузина выходить, Кривицкий меня чуть ли не за шиворот в автомастерскую втащил. И тут же растаял, словно привидение по утру, чтобы не портить свой портрет таким обрамлением как я. Тут я могу его понять, не будем требовать от людей невозможного.

Пять лет назад автомастерские еще были полны дядек в грязных спецовках, полнились штабелями шин и прочими деталями, сваленными на пол около обшарпанных стен. А сейчас это фактически офис. Руки сотрудников бегают по виртуальным клавиатурам, глаза скользят по виртуальным экранам; между полом и потолком крутятся-вертятся голографические модели машин; за прозрачными стенами офиса, в производственном помещении, орудуют гибкие манипуляторы, похожие на собрание змей. Они собирают или совершенствуют автомобили на индивидуальный вкус.

Меня, как обухом стукнули — стою, боюсь, как и в тот день, когда впервые увидел дубину с гвоздями, которую применял Иван Магометович для обороны от конкурентов. Как не боятся, я же пять лет дикарем прожил, на кулаке спал, на пеньке сидел, под забор ходил, как по малой, так и по большой нужде.

Хозяин мастерской не подал виду, что я ему напоминаю бомжа, и будто не обратил внимания на персональные данные, которые сканер считал с ID-чипа, вживленного полицией в тонкие кости около моего глаза. Хотя там было указано мое «постоянное место жительство» в деревне под названием… назовем ее Засранкино для благозвучности. Но было видно, что Кривицкий для этого мужика — авторитет.

Блин, я и на стуле-то разучился сидеть, все же больше на корточках у стены. А тут не просто стул, но интеллектуальное седалище, мудро взаимодействующее с моей задницей и спиной. Интерфейс, как у компьютера. Не так запрограммировал этот стул и сразу полетел верх тормашками.

Я весь вспотел, пока садился, а вдобавок мне на нос опустились очки виртуального обозрения. Я стал ошалело мигать, как дикий степной гунн, попавший во дворец китайского императора. За те пять лет, что я выпал из ай-тишной темы, виртуальные клавиатуры и экраны превратились из дива дивного, выставленного на выставке, в заурядное дело. К концам моих пальцев сразу «прилипло» десяток виртуальных окон, хуже соплей. Я еще чувствую, что все сотрудники наблюдают за моими трепыханиями, хихикают. Но тут милосердный Ахурамазда послал кафе-тайм и сотрудники мигом «вознеслись». Над нами

как раз проплыл воздухоплавательный общепит, здоровенный цеппелин, спустивший трубу лифта… Мне, наконец, удалось отлепить виртуальные экраны от своих пальцев и разобраться с механикой современного программирования.

Создатели современных инструментов программирования добились не только зрительного представления математических объектов, но и тактильного — их можно было щупать, толкать, вращать. К концу перерыва мне это даже понравилось — если операторы и операнды не могли сойтись вместе, то они просто вылетали из моих рук, если могли — то мигом слипались. Построение программного кода нынче было веселым занятием и напоминало игру Лего.

Лифт воздушного ресторана спустил коллег обратно и они, заметив, что мое обалдение прошло, мигом обступили меня и стали несколько заунывно поздравлять со вхождением в «team». Про то, что я «жертва прежнего режима», их начальник уже растрындел и мне осталось только важно надувать щеки, когда мне рассказывали, как я страдал. Пока исполнялся этот ритуал, я, по большей части, рассматривал баб. Женщины, в наши допотопные времена, как-то лучше были, нежнее, с замечательными выпуклостями. А эти нынешние амрашки — в плечах шире, чем я; задницы плоские, тазы узкие, движения резкие, голоса металлические, «излучают динамизм и оптимизм». Такой, с позволения сказать «бабе», родить ребеночка также сложно, как и кофейнику. Для этого дела теперь применяются мамы-суррогатницы из аборигенского населения. А на мужиков вообще лучше не смотреть, вдруг как ответят долгим пристальным взглядом. Все амраши находятся в диапазоне от метросексуалов до чистых педиков. Ни одной морщины, губы пухлые, красные — срамота, обеспеченная пластиковыми имплантами и зародышевыми клетками нерожденных младенцев…

Начальник нагрузил меня заданием — научить автомобиль ехать туда, куда хочет водитель. Это нынче вполне осуществимо. Сенсоры считывают небольшое напряжение мышц, сопутствующее мыслям, далее интерфейсы сканируют аналоговые данные, цифруют их — еще немного повозиться над вызовом стандартных библиотечных функций и рулевая часть начинает откликаться!

К концу рабочего дня я настолько был в теме, что стал усиленно размышлять, как буду развлекаться вечером. Для начала деньжат стрельну до получки у кого-нибудь, потом махну на такси в центр города, дальше ресторан, дискотека, бордель. Или, наоборот, бордель, дискотека, ресторан. Вообще я не такой, не любитель таскаться по «сковородкам» и бардакам, но сейчас

это просто необходимо для восстановления самоуважения…

На одном из экранов, вместо математического объекта, появилось изображение человека в симптоматичном котелке и сразу запахло неприятностями.

— Будем знакомы, Семен Иванович, — сказал этот тип. — Я — интроспектор Бахман. А вы, если не ошибаюсь, господин Зимнер.

Век бы тебя не видеть, и то бы не соскучился. То, что он обратился ко мне «по старинке», с отчеством, мне уже не понравилось. Намек на что-то. И это не какая-то тупая программа, а, похоже, искин <прим. искусственный интеллект>…

— Это вы так произносите слово «инспектор»? Отстал я от жизни, пока реабилитировался от страдательной жизни при прежнем режиме.

— Вы не страдали от прежнего режима, — строго сказал интроспектор.

Он это знает и я это знаю. Ну, не страдал я, не страдал. Хотя думал, что страдаю. Думал, что начальство меня недооценивает. А сам сидел в чистом офисе, каждый сорок пять минут перекур, кофейку попить или лясы поточить.

— Почему это я не страдал? Что я рыжий, что ли? — черт, что за лексикон у меня, артельный. — И почему я сегодня не имею право работать и зарабатывать на жизнь для себя и своей семьи, господин Бахман?

— Имеете, господин Зимнер. Однако, согласно акту «О восстановлении свободы на территории бывшей Российской Федерации», для работы в отраслях высоких технологий вы должны или иметь гражданский сертификат, такой как «American Not Russian Certified Professional», или же находится на социальной реабилитации, параграфы 12 и 13. Вы не подпадаете ни под один параграф данного акта, я уже получил сведения о вас из базы данных Комитета Защиты Свободы. Таким образом, будучи задействованы в высокотехнологических отраслях, вы потенциально представляете угрозу гражданским свободам.

Ясно, имею право получить по шее в любое удобное для Комитета время.

— А почему я не представляю угрозу свободам в низкотехнологических отраслях?

— Почему не представляете? Представляете. Однако размер потенциальной опасности не сопоставим.

Мой вопрос не поставил интроспектора в тупик. Это точно искин, не думает вовсе, сразу отвечает, и мимика у него не дубовая.

— А насколько ваша потенциальная опасность близка к

реальной?

— В вашем случае опасность действий, угрожающих свободе, оцениваются с высокой вероятностью в 28 пунктов. И если положить руку на сердце, товарищ Зимнер, разве вы не были преданным бойцом прежнего режима?

Повалять что ли дурака, хотя вряд ли это поможет.

— Это как?

— Из армии прежнего режима вы не дезертировали до самого последнего дня его существования. Наоборот, в нашем распоряжении имеется ваш послужной список, и некоторые его пункты свидетельствуют о вашем участии в военных преступлениях.

Этот фигов интроспектор явно что-то накопал на меня. Обидно! Если бы я не полез в «сферу высоких технологий», то даже искусственному интеллекту все эти «военные преступления» были бы до фени.

— Во даете. Вам что, только дезертиры и мародеры нужны? Как это зенитчики могут участвовать в военных преступлениях, вы чего? Преступления — это когда делаешь что-нибудь плохое безобидному человеку, а мы стреляли по вражеским самолетам и вертушкам, которые лупили ракетами и умными бомбами. Это такие большие конфеты с шариково-спиральной начинкой. И, когда шарики оказывались у нас в брюхе, а спиральки в голове, то нам становилось очень не по себе.

— Вы что, господин Зимнер, так до сих пор ничего не поняли? Это были не вражеские, а дружеские летательные аппараты, потому что они несли вам свободу. Разве не знаете, что отважные диссиденты выходили в это время на демонстрации под лозунгами «Больше бомб!». А когда вы сбивали самолеты и вертолеты, то погибали пилоты, молодые мужчины и женщины, выполняющие свой долг. Вы были таким же столпом режима, как и ваш дед.

— А если мы сбивали дроны <прим. беспилотные летательные аппараты>? Они тоже были молодыми?

— Это наносило большой ущерб силам свободы. Вы ничего не осознали ни во время войны — а ведь могли бы и вводить неверные целеуказатели в систему управления ПЗРК — ни после. Вы даже не попробовали раскаяться и пройти курс морального очищения, после которого вас бы допустили к экзаменам на получение гражданского сертификата.

Я понял, что больше не могу, достал меня этот искин. Может, это вообще не искин, а реальный немец-перец в онлайне, уж больно нравится ему издеваться, просто тащится. Не раздражение, а тяжесть заполнила мою голову, липкая

сонливость стала склеивать веки.

— Что теперь, герр оберштурмбанфюрер? Газенваген?

— Не хамите, иначе против вас будет еще выдвинуто обвинение в диффамации. Сейчас вы должны немедленно покинуть это рабочее место. В ближайшее время мы найдем вас и вам скорее всего будут предъявлены обвинения по сознательному обману работодателя. И я не исключаю, что Комитет Защиты Свободы соберет достаточные улики и привлечет вас к ответственности за военные преступления. Кроме того, вам грозит иск от ассоциации «вдовы демократии» — о возмещении морального ущерба, нанесенного вашим дедом, полковником советского ПВО, в 1956. Учитывая деяния вашего дедушки вы, можно сказать, потомственный враг свободы. Кстати, в 1943, ваш дед, будучи юным сталинцем, зверски убил гранатой трех деятелей украинского национально-правозащитного движения. Так что, возможно, вам придется отвечать по еще одному исковому заявлению… До свиданья, господин Зимнер. Не забудьте вернуть на место очки виртуального обозрения и сдайте чип-пропуск робогарду у входа.

Если ты искин, Бахман, да будешь ты поделен на ноль и заживо пожран вирусным кодом. Если ты человек, Бахман, то очень надеюсь, что мой дед уничтожил и твоего дедушку-фашиста гранатой, также, как тех трех бандеровцев.

Я встал и пошел по коридору к наружным дверям. Стены с экранами-обоями окрасились подводной голубизной, я как будто тонул в океанских глубинах. Ни ног, ни тела я почти не чувствовал, будто и в самом деле на меня действовала сила Архимеда. Наконец, я набрался мужества и остановился, чтобы попить кофе на дармака из автомата, почему бы не словить последние удовольствия этого мира. Мимо прошествовали бывшие сослуживцы, никто из них даже не оглянулся на меня. Они уже всё знали о том, что я не пострадал от старорежимной деспотии — ни как педик, ни как защитник животных и прочих тварей.

— Ах черт, пиджачок забыл.

Даренный пиджак — это единственный прок от всей этой истории. Да меня грудная жаба заест, если я брошу его здесь. Я просто угасну, как Добролюбов. Этот пиджак мне уже дорог, как люлька Тарасу Бульбе.

Я вернулся в комнату за пиджаком, который висел на человекоподобной вешалке в углу.

Вышел на улицу, если можно назвать улицей полупрозрачную эстакаду. Свежий ветер нес стаи рекламных пузырей, один из них завертелся вокруг меня, нашептывая: «Ты устал, быстро

несущееся время крадет удовольствия. Женщина быстрого изготовления всегда готова любить тебя. В сухом виде она легко помещается в карман…» Я машинально сунул руку в карман. Там лежала горстка пластиковых монет и USB-ключ. Тот, что годится для доступа к автомобильным компьютерам. Это — не мое. И пиджак, стало быть, не мой, но очень похожий на тот пиджак, что подарил мне инженер Кривицкий. Тьфу ты! Я, получается, одежку перепутал. Для меня все эти современные пиджаки без пуговиц из никогда не мнущейся материи — все на одно лицо. Точно-точно, на вешалках два пиджака висели. Один — мой, другой — похожий на мой. И этот «похожий» сейчас на мне. Если бы интроспектор не грузил меня по черному, то ничего бы такого не случилось. Но ведь я и вернутся назад не могу, сдал ведь чип-пропуск. А если и вернусь, то меня могут запросто повязать за воровство, там все сейчас против меня. Значит, надо оставить себе чужой пиджак… Но и это опасно, опять-таки кража получается. Нынче даже за мелкую кражу карают по всей строгости, а не так как в старорежимные времена. Могут и пожизненный срок впаять — в клетку сунуть, а там заключенный через пару лет сходит с ума и его законно подвергают эвтаназии, «хороший индеец — мертвый индеец». Тарас Бульба, хоть и пожертвовал жизнью ради люльки, но он хотя бы её не перепутал с чужой…

Мимо меня проходил «общественный транспорт» — мусороуборочная робомашина притормозила возле здания и загрузила баки. В одном из них уже был я.

3. Криминальные лохи

— Вали отсюда, — сказал Иван Магометович. — В одной реке нельзя дважды искупнуться.

Он таки помнит мои изречения, хотя и в извращенной форме.

— Нельзя дважды войти в одну реку, — вежливо поправил я шефа и предложил. — Давай будем считать нашу артельную жизнь озером или лужей.

— Все равно отваливай, пока не схлопотал. Я на твое место другого уже взял, молодого специалиста, способного, гибкого, но без твоей зауми. Денег не будет требовать. А зачем ему много денег? Пусть поработает за макароны и колбасу, ведь главное, чтобы стимул был, — увлекшись рассказом о современных методах управления, Иван Магометович утратил характерные рычащие интонации; голос его приобрел мелодичные пиаровские нотки.

Не зря все-таки hr-менеджеры просиживают штаны и придумывают методы. Если работнику гарантировать сто тысяч в месяц, он быстро отучится работать, а если ему не гарантировать даже куска колбасы, то он будет гореть на работе. Хотя колбаса Ивана Магометовича — это на самом деле корм для свиней, который получается из какашек методом переставления молекул на механохимических фабриках.

— А не заболеет твой специалист от употреблени гов… то есть колбасы в пищу?

— Заболеет, вылечим, у меня ветеринар знакомый есть. Разве собака сильно отличается от человека?

— Я тоже считаю, что собака совсем не отличается от такого человека, а если и отличается, то в лучшую сторону.

Иван Магометович вдруг сообразил, что я заговариваю ему зубы.

— А ну, отваливай, Семен, а то и впрямь вмажу.

— Вещи забрать можно? — смиренно попросил я.

— Нет у тебя тут никаких вещей. Ты мне должен остался. Будешь еще приставать, получишь по рогам в порядке возврата долгов.

Я не стал испытывать судьбу и быстро ретировался, как принц Евгений Савойский при явном превосходстве вражеской артиллерии. А в условиях дикого капитализма кулаки Магометыча поядренее многих ядер будут. Может, он насчет измены его подруги боевой что-то пронюхал. Или почувствовал. Настоящий вождь всегда всё чувствует нутром.

— Прощай, Сидящий Бык, у тебя продолжается испытание

властью, — сказал я напоследок, — Я ухожу к духам предков. Не пускай дым из ноздрей, пока я не удалюсь на достаточное расстояние. Отдай мой вампум и мои мокасины лучшему воину племени.

Сальдо оказалось неутешительным. В результате «повышения по службе» я остался даже без сапог и ватника. Но не мог же я господину инженеру вчера утром сказать: «Погоди немного, я пока соберу свои манатки». А потом еще с мешком смрадного шматья полез бы к нему в лимузин… Теперь у меня одна дорога — на городскую свалку. Там тоже работает несколько артелей, не считая диких собирателей. В артель могут не принять, у них там менеджер по персоналу работает лучше, чем в иных корпорациях, а дикие собиратели долго не живут. Артельщики просто уничтожают своих диких собратьев, как кроманьонцы уничтожали неандертальцев, потому что те снижали им норму прибыли. Совпадает даже момент каннибализма. Правда кроманьонцы напрямую ели неандертальцев, а артельщики перерабатывают диких собирателей на механохимических мусороперерабатывающих фабриках в корм для свиней, а употребляют уже ветчину и бекон, получившиеся из свиней…

До свалки топать километров пятнадцать, да еще под дождем, в дареных полуботиночках. Осень. Осень жизни. Осень мира. Надо благодарно принимать. Вот муть. Я, как облетевший лист, который не нужен дереву, потому что скоро зима. А весной появятся новые листья. Утешает? Не очень. У меня тоже были времена ничего, особенно до войны. Дом, теплый сортир, любящая жена (ну, это я слегка преувеличиваю). Сынок Егорушка звал именно меня, а не какого-то дядю, папой. А я еще гневил небеса, жаловался. Жизнь была нормальней некуда: разнообразные хобби, интересная высокооплачиваемая работа (это я немного преувеличиваю). У меня даже любовница была. Это, впрочем, я тоже гиперболизирую. Во всяком случае Люба Виноградова была не только моей непосредственной начальницей, но и девушкой, что надо. Поэтому я был без ума от нее. Разглядывал ее фотки, я мысленно раздевал и одевал ее, мысленно спасал ее из огня и воды, мысленно катался с ней на лыжах в Куршевеле и на «колбасе» в Анталье. Естественно тоже мысленно. Более того, у меня была кукла по имени Люба, маленькая такая, таскал ее в портфеле, потихоньку доставал её и разговаривал о том о сём (Разве я извращенец, учитывая какие куклы нынче в ходу, с гениталиями в полный рост, с подогревом, с позами из Камасутры?). Увы, мои чувства к госпоже Виноградовой не имели никакой «положительной обратной связи». Я, когда окончательно понял, что никак не достучусь до ее

каменного сердца и до ее электронно-вычислительной головы, уволился с той работы и женился на первой встречной, то есть на жене своей, то есть уже не моей. Люба Виноградова никогда не ждала меня, а жена не дождалась, вернее не дождется…

— Стой, — меня окликал юнга Васек, — Семен Иванович, замри.

Вот надоеда, такие воспоминания оборвал.

— Послушай, отрок, ты вместе со всей артелью «Напрасный труд» уже в моем прошлом, страница перевернута. Кроме того, у тебя еще не кончился рабочий день. Ты на плохом счету и менеджмент сомневается в твоем карьерном росте. Старшим помощником младшего дворника ты станешь только через полвека, когда волны мирового океана уже сомкнутся над последними атлантами.

— Магометыч поставил надо мной шефом какого-то педика, — с мучением в голосе пожаловался Василий.

— В этом нет ничего невероятного, если педики сейчас составляют половину населения. Педиком быть выгодно — получишь грант, как борец за свободу в половой сфере, и пенсию, как жертва прежнего режима.

— Этот попка всё время кого-то цитирует, Карнеги и этого еще… своих-то мозгов нет.

— Свои мозги потребляют сорок процентов всей энергии, поступающей в тело. Если при этом они не выдают ничего гениального, то непонятно, зачем они нам.

Васька хитро так, по-деревенски, улыбнулся и подмигнул мне.

— Семен, я видел, как за тобой приезжал мужик в сиреневом лимузине. Ты, в натуре, влез в кабину и вы уехали в сторону города.

— Как влез, так и вылез. Тоже в натуре. Обратно возвращался на мусоровозке. Тоже своего рода лимузин, только не для людей, а для гнилой рыбы и прочей тухлятины.

— По нулям, что ли, Семен Иванович?

— Я — оптимист. В твердом остатке не круглый ноль, а ноль целых хрен десятых. Вот пиджачком разжился, надеюсь, что он мне идет, — я смахнул с лацкана рыбий хвост, оставшийся со времени путешествия на мусоровозке. — В кармане мелочь бренчит. На пиво один раз хватит.

— Мне кажется, ты что-то недоговариваешь. — Васек оказался неожиданно цепким, во время работы я за ним такого не замечал. — Может, ты еще чего там надыбал? Я бы на твоем месте не зевал бы.

— Это что, допрос? Тогда надо мне свет в глаза пустить и

встать за моей спиной. Хорошо, отвечаю — в кармане пиджака нашелся еще USB-ключ для автомобильных компьютеров.

— Он подходит для всех борт-компьютеров?

— Не для всех, а только для тех, которые выехали из автомастерской, где я чуть было не получил работу. И только до той поры, пока владелец не сменит код доступа — с начального на свой.

— Это что, мало? — с интеллектуальным превосходством в голосе сказал юноша Василий. — С таким ключом можно охотиться на все машины, которые выкатываются из твоей автомастерской. С ним можно нападать и курочить. Курочить и нападать.

— А по попе ремнем? Встань в угол, плохой мальчик. И вообще уже слышали это, «тварь я дрожащая или право имею». Но понимаешь, Василий, еще неизвестно, кто на кого охотиться будет. На твое предложение открыть дверь и впустить тебя в салон автомобиля — чтобы ты мог поковыряться в его борт-компьютере — амраш ответит выстрелом в пузо из крупного калибра. Мы же для них, как индейцы сто лет назад. Они нас, кстати, индейцами и называют, промеж себя, не в газетах.

— Да знаю-знаю, — нетерпеливо отозвался Васек. — Только ничего я им предлагать не стану, не дождутся. Смотри, чего у меня есть.

У Васьки был «нанослиппер». Где он его нашел, пес знает. Эту штуку иногда применят при строительных работах, когда одну поверхность надо сделать абсолютно скользкой и протащить по ней какую-нибудь другую поверхность. Одной своей стороной нанослиппер намертво цепляется к подложке, другая состоит из молекулярной структуры, которая максимально прикрыта электронной «шубой» и отталкивает все инородное. В итоге получается идеальное скольжение.

— Где взял?

— Где-где, на бороде. Надо спрашивать не «где взял», а «где намажем». Намажем где надо, автомобиль вылетит с трассы. Пока приедет полиция, мы его полностью обчистим, борт-компьютер вытащим и еще чего-нибудь там. Будет у нас доступ к сети, куча информации.

— Красиво жить захотел, интернет-хрентырнет, мечта мозги застила. А если полиция быстро приедет? А если нас фиксанут камеры наблюдения? А если водитель, неровен час, башкой стукнется и откинет копыта? Нам ведь тогда светит «вышка», господа присяжные с радостью затянут петли у нас на шее.

— Да я хочу жить по человечески, — сказал Васек неожиданно зло, — хочу быть панком, хиппи, на «сковородку»

ходить, пиво пить, девчонку хочу, тоненькую, с длинными ножками, а не какую-нибудь стокиловую повариху, у которой попа на коленках. Я, кстати, не в мусорном ведре родился. У меня, кстати, все было в ажуре, пока папаня-майор не склеил ласты на этой сраной войне. Плейеры, гаджеты и прочая фигня, всё было. Ладно, давай, дуй отсюда, скатертью дорога. Первый раз вижу чела, который сам, да еще радостно, движется на кладбище под названием «большая местная свалка». Тебя же там и похоронят, среди картофельных очистков, а затем механохимическая фабрика переработает тебя вместе с остальным дерьмом на корм свиньям.

И тут выяснилось, что Васек пробил мою оборону, оборону моей добродетели. Добродетель она ведь для сытых и довольных, которые стоят выше крысиных схваток. Если бы Васька остался бы таким же му-му, как и прежде, то я ни за что не подался бы в криминал.

— Попа ему на коленках не нравится. Что ты понимаешь, щенок. Если попа хорошая, то неважно, где она находится. У «поварихи стокиловой», между прочим, и душа не хуже, чем попа… Ладно, уговорил, только потом не жалуйся. Я запомнил несколько машин, которые завтра утром будут забраны из мастерской. В любом случае они проедут мимо заброшенного кирпичного завода, сворачивать там негде. Мы с Магометычем на этом заводе мусор сортировали еще до того, как ты в артели появился. Похоже, на тех развалинах нет никаких камер наблюдения, разве что дрон какой-нибудь сверху пролетит.

Васька исполнил что-то вроде хип-хопа, он просто сиял, он уже был там, в светлом будущем, с девушками и пивом. Глупый мальчуган, которому убили отца и уморили мать ради торжества красивых отвлеченных слов; он стал несчастным после победы «добра», поэтому его неловко начавшаяся жизнь никого не интересовала. И этого врожденного неудачника я взял в напарники.

— Семен Иванович, пошли назад, переночуешь в бригаде. Магометычу скажем, что на днях будут бабки, рассчитаешься за хлопоты.

Удивительно, но Магометыч в самом деле пустил меня на ночлег, когда Васька с ним пошептался. Видно, придется теперь делится выручкой. И утром бригадир подбросил нас до трассы, откуда оставалось только пару километров до кирпичного завода на великах проехать.

Первый луч солнца «зажег» верхушку нанoплантовой Башни Демократии — такие теперь в каждом городе стоят, в том числе и в Джугра-сити, издалека видно. Над небоскребом «включилось»

облако из нанодисплеев и стало показывать свежие новости, перемежаемые социальной рекламой. «Женщина чувствует всё лучше. Перемена пола — нанохирургически, без отрыва от работы. Сегодня модно быть ТРАНСЕКСИ.»

Мы остановились. Через дорогу был пустырь, метров через триста большой мебельный склад, сзади — развалины кирпичного завода. Пора надевать вязаные шапочки с дырочками для глаз.

Я залег в мертвом кустарнике, облепленном серыми хлопьями техноплесени, передо мной на дороге суетился юркий Васек.

Я задумался о превратностях судьбы — это у меня часто бывает — и едва не пропустил шум мотора, современные газотурбинные движки довольно тихие.

— Вась, прячься, они через десять секунд будут здесь.

— Еще чуток.

— Не переборщи, иначе эта машина улетит с трассы, как ракета. Ищи ее потом, свищи.

Я наконец поймал Васька за полу и стащил с дороги.

Вовремя. Мимо нас метеором пронесся бочкообразный Форд, просыпав на наши головы всякий сор. И ничего.

— Это твой нанослиппер так работает? Намажь им задницу, мальчик, чтобы меньше ерзать на горшке.

— У него период структуризации — до пяти минут, — весомо отозвался Василий.

Через пять минут мимо нас безболезненно пронеслась еще машина.

— Мне кажется, Василий, фокус не удался. Ты спёр не то и не там, это ж какая-то косметическая струйка для метросексуалов. Но все к лучшему в лучшем из миров. Мы пока поживем на свободе и ты научишься воровать, советую найти себе опытного наставника….

И тут, прямо над нашими головами, пролетает туша престижного Порше и врезается в старорежимную кирпичную кладку. Бешено крутящиеся задние колеса повисли над ямой, мощный бампер наполовину искрошил стену. Дело в том, что амраши в наших краях предпочитают тяжелые автомобили — на случай терракта или гипотетической партизанской атаки, или просто для устрашения «индейцев».

— Ух ты, — свистнул Васек. Зрачки его были расширены, словно он увидел чудо чудное, диво дивное.

В самом деле, у нас получилось! Мы завалили вепря дикого, льва немейского, быка критского, воплощенного в пятистах лошадиных силах и четырех полноприводных колесах.

— Действуй, Семен Иваныч, полиция уже едет.

Я рванулся к правому борту машины и с размаху засадил кирпичом в стекло. Хоть хны. Непрошибаемое. Васька загорячился и, подхватив кусок арматуры, попытался рассобачить стекло, слегка потрескавшееся от моего кирпича. И опять ничего. Мы и огорчится не успели — дверь отворилась изнутри. Водитель видимо решил, что пришла помощь, и сам открыл. Мужик и так был в понятном обалдении, а от нашего вида еще более опух. Раздувшееся в аварийном режиме кресло и подушка безопасности упаковали его в кокон, который нам сильно мешал. Васек, отжав кокон плечом, принялся шарить в бардачке, а я сунул USB-ключ в разъем на передней панели. Сработало! Я выдернул поддавшийся вперед борт-компьютер и бросил его в вещмешок.

— Всё, тикаем. Этого хватит.

— Надо у водилы еще бумажник и кредитки забрать, — Васек принялся резать кокон складным ножом.

— Вася, у нас нет ни секунды.

Я выскочил из салона, закинул вещмешок за спину и перемахнул через кирпичную стенку в тот момент, когда Васек, добравшийся до бумажника, испустил торжествующий вопль.

А когда я был по ту сторону стены, послышался шум тормозов и почти сразу выстрел. За выстрелом был какой-то тонкий заячий крик Васьки. Потом еще выстрел — больше парень не кричал.

Я бросился драпать, потому что было ясно — приехала полиция или кто-то из виджилянтов. Эти фрукты пострашнее полиции будут, потому что в плен брать не станут. Выстрелят в пах, в живот, подождут, пока истечешь кровью, или забьют бейсбольными битами, а потом, в суде, все будет подано как «необходимая самооборона». За виджилянтов и судьи, и прокуроры, и присяжные. Все они — амраши.

Я пересек половину цеха, когда двое полицейских появилось с другого конца и сразу стали стрелять — пули отскакивали от бетонного пола и кирпичных стен, рубя воздух во всех направлениях. Я бросился к двери в дальнем конце — мишень под названием «бегущий кабан», хотя до кабана мне, откровенно говоря, далеко. А у той двери еще виджилянт возник, и оснащение у него было лучше, чем у полисменов — автоматическая винтовка калибра двенадцать миллиметров со сканирующим прицелом.

Я верно уловил, что останавливаться нельзя. Виджилянт поднимает винтовку, целится, я бегу на него — уже даже не кабан, а бизон, тупее некуда. В самой последний момент я то ли поскользнулся, то ли сам упал и поехал на животе. Пули

свистнули над моей головой, над спиной и задницей.

Я успел достать руками щиколотки виджлянта и, что есть сил, рванул их на себя. Виджилянт упал назад, но винтовка осталась в его руках. Ухватив ее обеими руками, как жердь, он ударил меня плашмя в грудь, откинув назад.

И тут же ствол лег мне на горло. Этот ковбой, кажется, решил задушить меня. Здоровый такой — в клетчатой рубахе, в бейсболке. Рожа красная разъяренная, рот исторгает рычание пополам со слюной, а глазки холодные внимательные — самое неприятное сочетание. И задушил бы — у меня уже пузыри в голове пошли. Но я, представив, как он наслаждается победой и танцует хип-хоп на моем трупе, психанул — а от этого все тормоза отлетают. Левой рукой нащупал обломок кирпича и со всего маха засандалил виджилянту в висок. Потом еще раз — между глаз. Кажется, я орал «Вот тебе за Ваську, за Ваську» и бил, бил, пока виджилянт с залитым кровью лицом не повалился набок. Я подхватил его винтовку и…

Полицейские были на середине цеха, на фоне голых стен, их канадские широкополые шляпы приметным крестиком помечали их головы. А я лежал за упитанным телом виджилянта, удобно пристроив на его пузо автоматический винтарь. Я не мог промахнуться. Я ж всегда стрелял хорошо, хотя и предпочитал калибр покрупнее.

Полисмены, заметив перемену декораций, сразу потускнели и начали читать душеспасительные проповеди насчет того, чтобы я не отягощал своей участи и лучше бы обратился к адвокату. Полицейские не привыкли быть мишенями, им было неловко, однако, насмотревшись фильмов, они считали, что преступник — это идиот, которому вдруг станет стыдно, он бросит винтовку и предложит драться на кулачках.

Могло быть и так, но труп Васи остывал в полусотне метров отсюда, и я казнил их. Одного хлопнул в лоб, другому, обернувшемуся для бегства, засадил промеж лопаток — с таким ускорителем он еще метров пять пролетел. Теперь настал их черед обратиться в лучшую похоронную контору Джугра-Сити. Будет проникновенная речь мэра, почетный залп, горнист сыграет вечернюю зорю. Красота, которой эти моральные уроды не заслужили.

Потом я сделал единственно возможное — выпустил остаток обоймы в тело виджилянта — помнится и Суворов советовал колоть штыком злостного врага отечества не менее трех раз. Затем я стер свои отпечатки с ложа и ствола и, бросив винтовку, направился к тому месту, где оставил велик.

4. Фея стеклянной горы

— Защищайтесь, сэр!

Я знал, что в этот момент надо обернуться назад, потому что прямо сквозь дверь пройдет и материализуется Похититель Принцесс (ПП). Если прикоснешься к нему мечом, то окаменеешь и тогда спасет Принцессу кто-нибудь другой. Ухватив свою шпагу поудобнее, я швырнул ее на манер копья и попал монстру ровно в грудь, которой бы позавидовал шерстистый носорог. ПП стал морфировать, пытаясь извергнуть шпагу из себя вместе с лишними деталями организма. Этого ему на пять минут хватит. Я снова обернулся к графу, который вызвал меня на поединок. Конкурент, блин. Ему тоже принцесса нужна позарез.

— Сколько у тебя крепостных, паразит? — спросил неожиданно я.

— Простите?

— А сколько крестьянских женщин ты обесчестил по праву «первой ночи»?

— Повторите пожалуйста, я должен записать.

Видимо, мои вопросы настолько поразили этого невежду, что он не почувствовал подвоха. Я дернул ковровую дорожку и граф брякнулся на спину, задрав ноги. Как противны все-таки эти панталоны в обтяжку и гульфики, намекающие на размер половых органов — на Руси знали стыд и никогда такого срама не носили.

Я, не мешкая, пробежался по длинному графу, одолел анфиладу (комнат сто не меньше), влез в маленькую дверь, замаскированную под камин, отсчитал по винтовой лесенке двести шагов вверх, рассек клинком огромный портрет герцога Де Ври. За картиной в золотой раме была маленькая комнатка на вершине башни. Но, прежде чем рваться вперед, надо сделать секундную паузу, иначе попадешь под нож гильотины.

В комнатке за картиной — самые важные персонажи. Здесь уж ни секунды не терять — иначе Фата Моргана отдаст свою старость принцессе и та мигом превратится в набор костей. На ведьму Моргану, сидящую в высоком кресле, ни в коем случае не смотреть — достаточно ее отражений на стеклах. Надо сорвать плащ с принцессы, накинуть его на ведьму и — хотя хочется немедленно выбросить старушку в окно — ее предстоит пару минут топтать, пока она не обратится в кучку праха и горстку червей. Их тоже надо передавить ногами. По сути, игры так безнравственны — они вызывают в нас ненависть к старикам и некрасивым людям; три тысячи лет развития цивилизации коту

под хвост; Моисей, Конфуций и Христос могли бы не рождаться…

— Да как вы смеете? — подала голос принцесса.

Упс. Вместе с плащом я сорвал с принцессы и половину платья. Ножки у нее, хоть и нарисованные, но смотрятся недурно. Да и всё остальное — нарисовано классно, притягивает глаз.

— Я сгораю от стыда, принцесса, простите невольную дерзость.

С принцессы упала и вторая половина платья. Это в мрачном средневековье женщина носила ещё кучу исподнего, а в современной игре «ню» начинается сразу под парчой. Нея стояла передо мной, можно сказать, нагая, прикрывая свои прелести изящными ручками. Прелести были выдающимися, а ручки изящными — вылитая Моника Белуччи — так что прикрытие оказалось слабым. Я залюбовался. Нагую Монику, во время оные, я всегда возле себя держал, фоновым рисунком на экране компьютера и так далее.

— Эй, ты чего там, дрыхнешь?

Это уже голос из другого мира, из нашего. В самый интересный момент пришлось срочно прятать терминал под ватник. У меня всегда так — помнится, стоило мне уединиться с девушкой в комнате студенческого общежития, как в дверь сразу начинал биться комендант… Сейчас на горизонте возникла старушка-процентщица, которая заведует пунктом приема стеклотары и прочего вторсырья. Про себя я ее тоже зову Фата Моргана, чтобы не надо было лишнее имя запоминать.

— Бабулечка, прости.

— Я — твоя, — сладко сказала принцесса из терминала.

— Ваше высочество, — зашептал я, наполовину распахнув ватник, — фея стеклянной горы Тара вызывает меня заклинанием, которому я не в силах противостоять.

— Что, что, это ты про какую тару? — прошипела добрая старушка. Кто бы унял старую ведьму? Что-то проворковала и принцесса из-под ватника; она, кажется, требовала подробностей.

— Все идет по плану, — успокоил я бабулю, правда не уточнил по какому. И быстренько разорвал соединение с виртуальным подземельем. Пусть прекрасная Нея и полунагая, и доступная, но, в конце концов, принцессы в играх — это все лишь символы, а исторические принцессы были капризными девками и членами эксплуататорского класса. Да и «заклинанию» реальной Морганы мне противиться никак нельзя. Она ведь запросто даст по шее. Бабка, хоть и старая, но рука у нее железная, наверное она раньше кузнецом работала, и драться она любит.

Подхватив в охапку бутылки, я ответственно кинулся помогать своей «Моргане». Уже неделю, как работаю здесь —

поднести, унести. А тем временем меня ищет полиция и виджиланты. Но у них, похоже, нет моего фото и моих отпечатков тоже. По счастью, ничего телесного я им не оставил, даже кала на анализ ДНК. А Васек — мертв. Из-за меня мертв, не сумел я юнцу мозги вправить вовремя, поддался его дурацкой агитации — и вот результат.

Мне перед Васьком вдвойне стыдно, потому что я живу сейчас, в общем, недурственно. Я, можно сказать, присвоил себе его победу. Автомобильный борт-компьютер перепрофилировал в мобильный терминал для баловства в сети. В сети быстро нашел нужные порталы, за ними виртуальные дворцы, киберподземелья, тач-румы, интим-залы. Средний доход господ и дам, которые там развлекаются, превышают мой в миллион раз. Назанимаются они фитнессом, шейпингом и сексом, а там подавай им виртуальные забавы. Для этого у них есть полноценный доступ: сенсорные костюмы или вообще нейроконнекторы; дамы предпочитают диффузные нейроинтерфейсы, принимаемые орально; джентльмены подключаются через разъемы, выводимые в кожный покров на манер пирсинга. А у меня — всего лишь неплохой, но чертовски маленький стереоэкранчик. Так что, по большей части, я домысливаю впечатления…

Теперь за работу. Ящики с литровыми бутылками из-под бормотухи надо перетащить поскорее к выходу — сейчас приедет робомобиль, сам погрузит крючковатым манипулятором и увезет. Еще надо рассортировать приличную горку пластиковой и жестяной тары. Саморазрушающийся нанопластик — в отдельный бак, там это все превращается в неаппетитную фекального вида массу, ее можно использовать на полях в виде органического удобрения или переработать на механохимической фабрике в колбасу для бедных. Из банок с тушенкой буду выдергивать чипы и топливные элементы, чтобы бомжи не стали их использовать бесплатно. Из молочных пакетов стано упорно выковыривать дисплейчики, показывающие рекламу гей-клубов и прочую дребедень, потому что оплаченное рекламное время строго лимитировано. Все очень рационально и крайне бессмысленно — работа для биомеха. Но я обхожусь моей Моргане гораздо дешевле, чем биомех, стоимость которого, как известно, включает стоимость таких торговых марок, как знаменитый «интеллоплант ТМ».

— О, мой рыцарь, ты слышишь меня? Здесь так темно. Затепли хоть свечу.

Голос из-под ящика, куда я положил терминал. Что за черт? Я же его выключал! Дрожащими руками я поднял ящик — терминал работал, более того на нем горел индикатор широкофокусной

встроенной камеры.

— Рыцарь, где вы? Что это за подземелье? Вас заколдовали и превратили в орка?

Агурамазда всемогущий. Как эта чертова принцесса сошла с игрового уровня и перескочила на уровень мультимедиального «чэта»?

Я схватил терминал и стал лихорадочно давить на кнопки. Механического выключения у него вообще нет, а софт-кнопка «останов» не реагирует: система требует сперва завершить все процессы. Попытался отключить камеру — но команда не прошла. Только с пятого раза прервал «чэт» и запустить функции игрового уровня.

— Наконец вы избавились от этого жуткого образа, я так рада, — облегченно вздохнула принцесса Нея. И у ней с образом в порядке, платье восстановилось, вроде бы то же самое.

— Я то как рад, ваше высочество — подыграл я. — Думаете, легко быть орком? Шерсть линяет, блохи кусают, третий ряд зубов прорезается — мрак. А заклятия злой феи такие липкие.

— Рыцарь, не было шерсти у тебя. И гривы и хвоста тоже. Ты принял образ орка не из нашего игрового пространства. Это был… какой-то соцарт. Эта, как ее, «телогрейка» была на тебе и обувь из валяной шерсти.

Ексель-моксель, она и валенки мои разглядела. Ишь привязалась-то, девка-то видно из дотошных. Есть такие дотошные, что и прыщ на своем носу станут два часа рассматривать. Хотя Нея может и не девка вовсе, а гей какой-нибудь, они вообще без мыла в любую задницу влезут.

— Это, ваше высочество мое, был не соцарт, а сбой. У меня куча библиотек на терминале, люблю самостоятельно их линковать при компиляции графических программ. Простите, принцесса, что я нарушаю правила этикета, употребляя инородную лексику — но так понятнее.

- Я прощу вас, только когда вы приблизитесь ко мне. Только не вздумайте падать на колени. Что вы сейчас чувствуете?

Дело принимает скверный оборот. Если к виртуальной принцессе «приближается» человек, подключенный через нейроконнекторы или хотя бы в сенсорном комбинезоне, то ему будет доступен практически весь диапазон ощущений, обоняние, осязание и так далее — без какой либо работы мысли и домысла. Мне же, с моей хилой консолью, приходится в основном фантазировать.

— Так что вы ощущаете? — настойчиво стала вопрошать виртуалочка.

— Легкое тепло вашего тела.

— А аромат?

— Фиалка. Он плывет сквозь меня и словно качает на легких сиреневых волнах.

— Это не фиалка, а приличные французские духи. Да, да, я знаю, вы опять криво слинковали библиотеки, поэтому матрица ароматов интерпретируется неверно. А теперь обнимите меня.

Да мне не обнять, а задушить ее хочется, чтобы отстала.

— Я же рыцарь, о моя госпожа, натуральный, с гербом. У нас, у рыцарей, своя система обращения с женщинами, чтобы отличаться от простонародья, которое тискает подружек в подворотне, потому что им говорить не о чем.

— Обнимите меня. Я приказываю вам! Шевелись, вассал. Иначе я всем расскажу, что вы на мне платье порвали в порыве похотливом. А дальше знаете, что? Рыцари Круглого Стола разом вступятся за мою честь.

Надо протянуть виртуальные руки, иначе придется протянуть виртуальные ноги. Эти рыцари — хряки с поросячьми мозгами и жирными загривками, им не за столом круглым сидеть, а в свинарнике из корыта четырехугольного хлебать.

— И что, о мой верный вассал, сейчас ощущают ваши руки, которые сошлись за моей спиной?

На днях я видел ее у балюстрады, смотрящей на долину, кажется она была именно в этой одежке. Она стояла задом, пардон, спиной ко мне, и, сзади, на платье у нее вроде был глубокий вырез.

— Нежность вашей кожи. Ваша кожа почти как музыка, кружит голову.

- Могли бы придумать что-нибудь пооригинальнее. Кстати, вы должны ощущать нежность вовсе не моей кожи, а легкой ткани, муслина. Это, согласитесь, не одно и то же. Ну что, снова будете пенять на библиотеки? Или что-нибудь новое придумаете?

Тьфу, поймала, что-то у меня с памятью последнее время. Сколько бутылок зеленых и сколько коричневых я отсортировал — это помню, а про вырез на спине забыл. Уже и бабка «Моргана», царица тары, зовёт меня дурным голосом. Этот ящик с пластиковой тарой страшнее, чем любое подземелье с привидениями, с ним работы еще минимум на час.

— Принцесса, мне надо перезагрузить систему и перекомпилировать игровой интерфейс с помощью стандартного компоновщика. Простите, я должен откланяться.

— Не торопитесь, рыцарь, я еще не закончила разговор с вами.

— Но фея стеклянной горы Тара уже зовет меня. Как я уже говорил. я не в силах противиться ее заклинаниям, которые она

унаследовала от медноголового змея.

— Фея подождет вместе с заклинаниями от зеленого змия. Выбирайся с этой свалки и следуй моим указаниям.

У меня сразу комок в горле, с детства так всегда, когда чувствуешь начало неприятностей.

— Ваше высочество, вы что-то спутали, мы в замке, а не на свалке.

— Хватит, — в голосе принцессы Неи прорезался холодок, да какой там «холодок», настоящая сталь. — Следуй моим ценным указаниям или я вызову полицию.

— За что? — максимально бесхитростно пролепетал я.

— За то, что ты украл борт-компьютер под номером «Int-987-V23»? — грозным прокурорским тоном произнесла принцесса Нея. — Во время криминального инцидента погибло четверо: твой напарник-бандит, и трое стражей порядка. Это, согласись, немало.

У меня внутри все обвалилось, как в доме, в который попала пятитонная бомба.

5. Кукла в руках принцессы

— А ну-ка марш на рабочее место, алкаш несчастный, — гаркнула Моргана, владычица стеклотары.

— Уйди, старушка, я действительно в печали.

Я вышел на улицу, игнорируя предостерегающие окрики бабушки Морганы. Даже не вышел, а выплыл, повинуясь напору злой воли, как бумажка повинуется потоку воды в унитазе.

— Ты должен делать все, что я тебе скажу, — повторила принцесса совсем ледяным голосом, чтобы я лучше запомнил — похоже, вокальный интерфейс делал ее голос еще злее; так могла бы разговаривать голодная кобра.

— Я теперь, как твоя любимая кукла? А, может, ты не принцесса и даже не девушка вовсе? А такой старенький мафиози с испорченной ориентацией.

— Я не стесняю свободы твоей мысли. Мне важно только то, что ты будешь делать. В противном случае тебя ожидает целая гора неприятностей, на вершине которой будет электрический стул.

Похоже, я доигрался. Говорил же себе, завязывай с онлайн-играми, играй сам с собой в крестики-нолики. «Принцесса» в курсе, как у нас работает правосудие — присяжным всегда хочется загрузить электрический стул работой, поэтому мне теперь не увернуться от роли раба.

— Как я понял, твое высочество предлагает мне сделку. А что после того, как я исполню твое задание? Ты меня отпускаешь с богатыми подарками?

— Я тебе не предлагаю сделку, я даю тебе возможность пожить еще. Эй, не закрывай пальцем глазок видеокамеры. Пальцы у тебя грязные и он может запачкаться.

— Меня зовут не «эй», а рыцарь Печального Образа.

— Тебя зовут Семен Иванович, мои программы распознали твой грязный образ и сверили его с данными, имеющимися в официальных базах данных.

Вообще облом!

— И сейчас ты, Сеня, отправишься на улицу… дай-ка гляну на карте… маршала Пилсудского. Это северный пригород Джугра-Сити.

— Извините, а мне к вам обращаться, по-прежнему, «ваше высочество»? Но в некоторых районах города меня могут неправильно понять и вызвать карету скорой психиатрической помощи. После того как меня переоденут в смирительную форму одежды, я уже не смогу служить вам, о моя госпожа. Или вы все-

таки господин?

— Ты же знаешь мое имя. Зови меня «Нея».

Замечательно придумано. Только сейчас осознал. «Не-Я». А я то думал, что весь мир — это я. Забросить бы сейчас терминал в какой-нибудь мусорный ящик, растоптать его… ан нет, Нея знает мое расположение, мое имя-отчество и без авто я не успею далеко уйти.

— Вы несколько не в теме, Нея дорогая. Улица Маршала Пилсудского, да обкакается он в могиле, на самом деле не улица, а эстакада, по которой можно проехать лишь на автомобильном транспорте. Да и далеко это, робобус туда не ходит. Вообще-то в Джугра-Сити всех туристов везут в центр, где стоит многоголовый памятник местным Мученикам Свободы — хану Кучуму, философу Бульбулису и бизнесмену Бандакидзе, который пожертвовал целый миллиард на вооружение правозащитников. Внутри монумента расположен музей — там можно увидеть оригиналы чеков, которые были выписаны на дело нашей свободы.

— Ты мне зубы не заговаривай, садись в машину и езжай. Ты должен минут через сорок быть в отделении курьерско-почтовой фирмы SDPD на улице Пилсудского. Там получишь посылку и двинешься по трассе «Джугра-Оушен» на север.

— Уже сел. Трррр, еду.

— А я не шучу, Семен Иванович. Ты сейчас на пригородной трассе возле большой груды металлолома, хорошо видной из космоса, и рядышком тебя ждет машина.

— Да, здесь стоит машина, но…

— У тебе мало времени, меньше, чем ты думаешь.

БМВ <прим. Брянск Мотор Верк>. Не самой последней модели, однако не рухлядь. Я дернул за ручку, дверь открылась. Сел в салон, ключ был на месте, а сидение стало подстраиваться под мою сутулую фигуру. Повернул ключ и мотор заработал — топливные Н-элементы еще годны на сто километров пробега — зажглись индикаторы и замерцал экран навигационной системы. Тронулся с места, еду. Как белый человек!

— Ты и в самом деле видишь меня, Нея?

— Вижу во всех видах, не только через глазок терминала, но и через спутниковый «глаз». Так что не потеряешься.

— А если остановит полиция?

— Машина абсолютно чиста и приобретена на твое имя, на ее счете есть достаточная сумма, чтобы оплатить платные дороги, в бардачке лежат права, оформленные на тебя. Но вообще полиции попадаться не рекомендую, вид у тебя некачественный, счет в банке отсутствует, кредитная история тоже. Если они начнут тебя

проверять, то можешь быстро увязнуть.

Трасса встала на едва заметные опоры, взмыла в воздух и влилась в скайвей. Навигационная система показывала маршрут, борт-компьютер не дал бы врезаться во что-нибудь и расплющиться обо что-нибудь, если бы я даже бросил руль. Но скайвей проходил на высоте около полукилометра — ты как будто летишь на самолете, и жизнь вокруг прекрасна.

Солнце раздувает своим светоносным дыханием розовые нимбы на верхушках городских башен. Справа видны каменные волны Урала, растительность на склонах была уничтожена техноплесенью еще во время войны, чтобы красные партизаны не смогли спрятаться, но для хорошего настроения там все раскрашено исполинскими графитти. Слева — серая поверхность бывшей тундры. И на ней все растения, от лишайников до березок, были пожраны плесенью и тем теплом, которое она выделяла при расщеплении биомассы. Однако теперь ее украшают опоры скайвеев, похожие на исполинские елки, и словно катятся по ней огромные хрустальные шары — это приемные станции орбитальной энергетической системы. Сквозь синеву неба просматриваются нижние кольца Космического Змея<прим. цепочка орбитальных поселений, лабораторий, энергетических мощностей, имеющая спиралевидную форму> — словно шестерки. Три шестерки видны особенно отчетливо. Я напрягся и разглядел четвертую.

Залюбовавшись пейзажем, я едва не проскочил съезд, ведущий к офису почтовой службы SDPD. Спуск вниз, кстати, напоминал спуск летательного аппарата по баллистической траектории, во время снижения у меня под ложечкой большая черная дыра нарисовалась. С утра там, под ложечкой, пусто, и когда придется перекусить — неизвестно.

Сам офис, располагающийся на нижнем ярусе эстакады, был полностью роботизированный. Назвал свое имя — получи посылку из дырки в стене, которая только что была абсолютно гладкой. А посылка — просто пластмассовый коробок, довольно легкий, отправленный из перуанского города Икитос…

Отъехав километров тридцать от города к северу, остановился у придорожного кафе, занимавшего боковой выступ на скайвее. Виртуальная рабовладелица Нея уже с час молчала, не давая никаких «цэ-у» и я решил, что она отключилась — залезла в джакузи или вообще дала храпака.

Надавив на боковой пупырышек, я открыл коробку — интересно все-таки, что там. В коробке была бутылочка. В бутылочке жидкость! Копеечная бутылочка, наклейка с надписью на испанском языке. Agua, то есть вода. Что за бред? Зачем ее

надо было присылать сюда с другого конца Земли. Этот гей, который выдает себя за принцессу Нею, таким образом наверное развлекается.

Сунув бутылочку в карман, я вышел из машины. Кафе, сделанное как будто из мятой фольги, расположилось возле заправки «Шурал». Над ней висит голографический биллборд с Вики Лу, которая на этот раз рекламировала безопасный секс с использованием интеллектуального презерватива «Лулу». Сейчас все интеллектуальное — унитаз, метла, носовой платок, туалетная бумага… С интересом взглянув на Вики Лу — качественная все-таки у нас президентша, о контроле над рождаемостью заботится — я пошел в кафе.

— Что будете? — спросил человек за стойкой.

— Яичницу.

— Не готовим.

А бутерброды у них дороже спиртного. С этим я не могу смириться.

— Водки пятьдесят грамм.

— Не держим.

Ну-да, внутри стилизовано под салун, ряды бутылок с виски и джином, водка не в здешнем формате. Посетители тоже ряженые — вышитые джинсовые куртки, остроносые сапоги — играют в карты, курят сигары. У всех в височный разъем вставлен глюкер <прим. наркоинтейрфейс для прямого нейроконнекта через разъем в черепе> — должно быть они видят сейчас за окном солнечный аризонский пейзаж.

— Виски на два пальца. И более ничего.

— Какого виски?

— Этого… недорогого.

— Хорошо, пусть будет недорогого на два пальца, — голос бармена умело показал презрение к столь скромному заказу.

Я взял стакан и уселся в углу, где лошадка-биомех (которая оживет и начнет жевать сено, когда опустишь монетку) скрывала меня от лазерных взглядов завсегдатаев салуна.

Вынул перуанскую бутылочку из кармана, отвинтил крышечку и хотел было добавить воды в стакан с виски — если честно, в отличие от водки я неразбавленный виски не пью, слишком он чужд моему организму. И вдруг у меня в голове как разряд — мысль ужасная. Этот гей, который принцессу Нею изображает, не развлекается. Вернее развлекается не столь невинно, как мне хотелось бы. В бутылке ж отрава какая-нибудь. Или жидкая взрывчатка, необнаружимая детекторами. Сейчас выйдет гей со мной на связь и предложит кого-нибудь травануть или взорвать. Иначе, де, сдаст меня в полицию… А вот тебе, не

боюсь. Я сам это выпью! Ты сейчас увидишь, супостат, как умирает русский сержант.

В голове словно царь-колокол стучит. Разбавляю на два пальца. Пью. Ничего так напиток. Хотя не фонтан, однако посторонние вкусы-запахи не ощущаются.

Когда хотел второй раз отхлебнуть — то уже не смог. В стакане образовалась какая-то гадость. На дне будто хлопья осели. Я сперва подумал, что это у меня в глазах пятна, бывает же такое, а потом схватился за живот — там, в кишках, такие же хлопья, должно быть, появились. Сейчас отрава подействует или взрыв в кишках произойдет. И тут я перестал бояться, потому что начался настоящий цирк. Вся внутренность стакана затянулась сеточкой, она стала густеть-густеть и через двадцать секунд за стеклом не осталось ничего кроме… снега. Я осторожно потрогал стакан пальцем — был он прехолодный, как из холодильника.

— Да ты фокусник — сказал бармен, который, оказывается, наблюдал за мной. — Только будь добр, не повторяй свой фокус-покус снова, кому охота отмывать стакан от этой гадости. И вообще тебе не пора?

— Пора, — охотно согласился я, — глядя на крепкие пальцы бармена, украшенные протатуированными перстнями.

— Бутылочку свою не забудь, — напомнил бармен.

Я оставил на столике все запасы пластиковой мелочи и пошел к выходу, чувствуя спиной буравящие взгляды завсегдатаев. Проклятая бутылка, от которой невозможно избавиться. Или это виски был не в порядке? Или это бармен на самом-то деле фокусничал?

Выйдя на улицу, поплевался, затем проанализировал ощущения в животе и выше. Выпил-то я гадость, но вкус у нее был как у обычного разбавленного виски среднего качества. И не мутит, как положено при отравлениях. Пока не мутит. Ладно, понадеемся на лучшее — и не такую мочу хлебали.

Я сел в кабину, проехал еще десять километров и сказал включенному терминалу.

— Пора, красавица, проснись! Нея!

Красавица, или кто она там, не отозвалась.

— Девушка, посмотрите в свой космический глаз, я в сорока километрах от Джугра-сити, фиг знает зачем. В вашей коробочке, то есть в бутылке, только какая-то жидкая дрянь, от которой портится настроение. Будете опровергать?

Молчит виртуальное существо, не отзывается. Похоже, канал отключен, космический глаз смотрит в космический зад. Похоже, существо меня подставляет, использует втемную. Вот поймает меня полиция вместе с этой цирковой «водой» и пойди-докажи,

что я не сам это придумал. Да пошло ты, существо, вместе со своей дрянью в коробке. Еще электрическим стулом оно мне угрожает.

Я съехал со скайвея на сельскую дорогу и остановил машину около мостика через какую-то речушку. Вылез вместе с коробочкой и бутылочкой, спустился к берегу, как бы отлить. Открыл бутылочку, а затем зашвырнул и ее, и крышечку, и коробку, в речку. Пусть смывает все следы. Потом вернулся в машину, проехал еще пару километров вперед по сельской трассе и понял — надо возвращаться в Джугра-сити, пока не поздно. Где-нибудь на окраине продам среднеазиатским гастролерам этот БМВ, затем перешью с помощью заезжих индийских хакеров персональный ID-чип, и на «дно». С хорошими бабками и на общественном «дне» неплохо. Жрешь китайскую тушенку, купаешься в тазике с теплой водой, носишь ватник без дырок.

Я развернул автомобиль и двинул назад.

Погода испортилась неподалеку от того места, где я от бутылочки избавился. Только что светило солнышко, разбиваясь пестрыми брызгами на псевдохрустальном брелке ключа, в кабину машины влетал запах болота, и вдруг — словно опустился театральный занавес и начался спектакль.

С минуту машина ехала сквозь туман, буравя влажную мглу жарким галогеном фар и смахивая воду невидимой дрожью гидрофобных стекол. Дальше еще хуже, я очутился в снежном царстве. С обеих сторон от дороги высились сугробы. Покрышки выпустили шипы, пытаясь обрести уверенность на заледеневшей поверхности трассы, но скорость сразу пришлось сбавить. Снежный разряд ударил в ветровое стекло и тут же был уничтожен дворником, но следом за ним был другой, третий. И вскоре мело уже вовсю. Настоящая метель. Снежные разряды били в стекло, пытались впиться в него и застыть, скорострельные «дворники» едва поспевали убрать липкий снег. За бортом серьезно похолодало, сразу на пять градусов, от плюс четырех до минус одного. Замерцала и стала пропадать букашка, представляющая позицию автомобиля на переднем навигационном экране. Сигналы от навигационных спутников вязли в тяжело нависшем небе, того и гляди свалится оно с рук изнемогших атлантов. А потом навигация разом заткнулась.

Метель, буран — хотя ничего такого в последние годы не наблюдалось! С некоторой натяжкой можно сказать — суровая русская зима. Причем осенью. И скорость не прибавить, сцепление паршивое…

Но зима вдруг осталась позади. Как будто я проснулся. Раз и нет. Солнце светит прямо в глаз. Температура за бортом опять

плюсовая. Только камера заднего наблюдения показывает, что «сон» мой неподалеку, и границей у него служит стена сизого тумана. Эта «стена» тоже не стоит на месте, ей со мной по пути, только скорость у нее поменьше. Не догонишь, не догонишь…

Сельская трасса влилась в автобан, а добравшись до утеса, он прыгнул в воздух — лишь несколькими километрами дальше имелась ажурная опора. Внизу сейчас были камни, какой-то видный авангардист выровнял их и раскрасил — сверху видна огромная двадцатидолларовая купюра. Двадцать долларов стоит у нас женщина на ночь. А по небу птички-галочки летают, все еще на юг тянутся, не понимают дурашки, что сейчас и на севере неплохо…

Похоже, это не птички-галочки, а V-образные дроны. Стайка в десять особей. И они летят сюда со стороны Джугра-сити. Неожиданно от туманной «стены» отделилась пара искорок, которые шустро направились в сторону дронов. Те почувствовали опасность, распределенный интеллект стаи развернул ее в боевой порядок. Залп по фронту и десятка два ракет — их было хорошо видно по факелам — полетели на рандеву с искорками. Но те погасли прежде, чем факелы долетели до них. И на тебе, дроны взорвались почти сразу после исчезновения искорок; просто полопались, обернувшись огненными пузырями. Значит, искорки — это особые ракеты какие-то, которые могут становится невидимыми? И вообще ничего не понятно. Учения что ли идут… Э, а это еще что такое?

Один дрон уцелел. Он так близко, что вместо «галочки» виден летательный аппарат приличных размеров. Он летит в мою сторону, я ему чем-то не понравился. Елки, да он на меня пикирует!

Дорога передо мной вдруг заполняется огнем, на меня катится пылевая волна, украшенная пеной из расплавленного нанопластика. Я пытаюсь затормозить и развернуться, но машина не обращает на меня внимания. Значит, автомобильный борт-компьютер уже подчиняется не мне, а службе управления движением. Я сую USB-ключ в панель приборной доски и выдергиваю борт-компьютер из гнезда. Потом разворачиваюсь, ухожу на спиральный съезд, по которому слетаю, как спускаемая капсула космического корабля. Когда до земли уже недалеко, трассу передо мной разрубает пополам — это дрон повторил атаку. Я вдавливаю тормоз, инстинктивно пытаюсь развернуться. Моя голова перестает соображать и я только фиксирую события. Мою машину переворачивает, она скользит как голыш по льду, врезается в ограждение трассы, поднимая задницу, перелетает через него, совершает кувырок… Я вижу внизу сосущую пропасть,

вместо земли какая-то белесая хмарь; с запада надвигается вечер, украшенный спицами лазерных игл, с севера накатывается сизая стена ледяного тумана — как отвал огромного бульдозера. Ударом кулака я выбиваю люк над головой; отталкиваясь от сидения и пола, выпрыгиваю из машины.

Успеваю зацепиться за ограждение, которое метров на десять выломано наружу — должно быть, его так боднула моя машина — теперь оно торчит, считай, перпендикулярно к трассе. Я охватываю ограждение руками и ногами и относительно спокойно наблюдаю, как мой автомобиль падает вниз и тонет в хмари, заменяющей землю. А дрон, пошедший в новую атаку, вдруг вспыхивает и врезается в дорожное полотно. Далеко в сторону летит цилиндр двигателя…

Ограждение начинает двигаться. Оказывается, я вцепился не в металлическую полосу, а в кабель, который к ней прикреплен. Он отрывается под моей тяжестью и летит вниз. Кабель не долетает до белесой хмари метров десять — тут он останавливается и стряхивает меня.

Я самостоятельно лечу вниз и даже в полете успеваю ощутить границу между теплым и холодным воздухом. Белая хмарь оказывается неожиданно твердой и бьет меня наотмашь со всего размаху. Я вижу только какие-то цветные пятна. Оглушен? Перелом основания черепа?

Минут через пять я догадался, что вижу только пятна из-за того, что с глазами непорядок. Я, похоже, попал в снежный нанос, а снег странный, липкий, он залепил мне глаза и там заледенела слезная жидкость. Я инстинктивно прижал ладони к векам. После этого в глазах наконец прояснилось. Вблизи этот снег в самом деле выглядел странно; он состоял не только из звездочек-снежинок, но еще из ниточек, напоминающих сахарную вату. Он даже тянулся, как жевательная резинка.

Я услышал хруст снега под чьими-то ногами и посмотрел поверх руки. То, что недавно было парой цветных пятнышек, превратилось в двух рейнджеров, которые шли мне навстречу. Один из них остановился метрах в пятнадцати от меня и начал целиться.

Этот вояка стоит и наводит на меня оружие, еще мгновение и продырявит мне мозги! Расстояние ничтожное и у штурмовой винтовки автоматическая доводка ствола, промахнуться невозможно. А я даже не могу подобрать слова, какие надо выкрикнуть. «Не стреляйте», «Nicht schiessen» или как там по-английски? Пока я путаюсь с языками, сбоку от рейнджеров бухает этакий гейзер; и из снега выскакивает «клякса», иначе не назовешь.

Свистнул воздух, разрезаемый острым металлом. И, хотя «клякса» была метрах в пяти от рейнджеров, одного из них просто раскроило пополам. Даже не пополам, а на руки, ноги, голову и другие части тела.

Второй рейнджер пригнулся и мгновенно развернул ствол в сторону непонятного объекта — профессионал одним словом. Но, когда солдат нажимал на курок, «клякса» кубарем переместилась вперед и что-то смахивающее на тонкое-претонкое лезвие мгновенно пересекло воздух. Ноги рейнджера остались стоять, как столбики, а тело плашмя упало в снег. «Клякса» же замерла, стала четче и неожиданно оформилась в силуэт бойца.

Его камуфляж по-прежнему отражал свет под разными хитрыми углами, отчего виделся он каким-то размытым, вроде лешего, на месте лица пока лишь играл муаровый рисунок. В руках у бойца было что-то вроде бердыша — длинное тонкое почти прозрачное древко, со второй половины обретающее металлический блеск. На ногах снегоступы, что ли. Это был не пискипер из «миротворческих сил» ООН, не американский рейнджер, не канадский морпех, не полицейский, не виджилянт и не охранник из «Блэкуотер Интернейшнл».

Бердыш качнулся в руке лешака.

— Эй, спокойнее, — окликнул я его. — Я — народ, нон-комбатант, типичный представитель мирного населения. Меня обижать — позорно.

— Лейтенант Ласточкин, — откликнулся леший, поднимая забрало вместе с муаровым рисунком и открывая вислые усы невероятной длины, косматую бороду и нос-сливу. — Российские вооруженные силы.

Во дает, сказитель, какие там «российские вооруженные силы»? Из лагерей для военнопленных почти все наши как опущенные вышли. Тихие, безропотные. Таковы были результаты «перевоспитания» с помощью диффузных нейроинтерфейсов. А бывших офицеров, старше капитана, все равно к получению гражданских сертификатов не подпускали, потому как они — «столпы старого режима». Майоры и полковники становились собирателями-помоечниками вроде меня.

Ласточкин подошел ко мне медвежьей походкой, в руках у него появился снежок, который он затолкал мне в рот. Ну точно, на психа напоролся, час от часу не легче.

— Это зачем еще? — спросил я, отплевавшись.

— Так надо, — не побаловал ответом безумец. — Проверил, убьет ли тебя снег. Не убил, значит ты наш.

Хороша проверка — видно психопата по замашкам.

— А еще чего надо? Чечетку станцевать? Если станцую,

значит ваш?

— Нам надо в штаб.

— А зачем мне в штаб?

— Я же сказал, что ты — один из нас.

— Точно? Я не военный советник, не генерал, не минерал типа алмаз.

— Пойдем, нечего нам тут маячить.

Отказываться — невежливо, учитывая все эти руки, ноги и головы, ампутированные «хирургом» Ласточкиным пару минут назад. Непреодолимая сила, воплощенная в железной руке «лейтенанта», надела мне на голову очки вроде горнолыжных и потащила в сторону клубов ледяного тумана. А туман сейчас, как декорация из фильма ужасов. Так и представляешь, как в нем полощут свои древние кости вампиры и привидения. Этот «лейтенант», зуб даю, из самых буйных психов. Хотя, может, раньше он и служил в армии. Помню, читал про бывших японских солдат, которые свихнулись, не вынеся поражения, и еще тридцать лет в одиночку провоевали в джунглях — пока не пришел срок на пенсию выходить.

— Постойте, вы меня не с кем не путаете? Я — не Ковпак, не батька Махно.

— У тебя может быть шок от встречи с нами, — Ласточкин неожиданно проявил себя психологом (вообще-то, не «может быть», а уже есть). — Но это тоже предусмотрено. Если станешь сильно сопротивляться, я буду вынужден применить успокоительные средства.

Еще тот «психолог», переоценил я его. Под «успокоительными средствами» он понимает, наверное, свои железяки.

— Нет, вот этого не надо. Бегу, бегу, сам, абсолютно добровольно, я — «за» обеими руками.

— Это хорошо, — одобрил псих. — Теперь вперед, нам два часа топать без передышки.

Два часа! Он хочет завести меня в самую глухую глушь — а там… Страшно представить, что будет «там». Убьет, сожрет. Из баек про тех же одичавших японских солдат известно, что они жрали людей, даже живьем.

Стена тумана была совсем неподалеку, такая плотная, что казалась слепленной из зефира, но тут рука Ласточкина забросила меня под куст и еще затолкала под самые корни. Это что, он прямо здесь собрался меня жрать?!

— Теперь вставай, дрон улетел, — сказал он полминутки спустя и добавил заботливо. — Не поскользнись.

Я трясущимися руками стал отжиматься от земли, но что-то зашевелилось в снегу совсем рядом, шагах в десяти.

— Тихо, птичка снесла гостинец, — шепнул Ласточкин, прикладывая палец ко рту. — А гостинец может распознавать звук.

И «лейтенант», резко выдернув меня из-под куста, опять потащил по направлению к стене тумана. Я сразу запыхался, потому что все время оглядывался назад — спина чувствовала опасность — и что-то раскрылось в снегу как большое яйцо. Из этого «киндерсюрприза» высыпалось десятка два или три эллипсоидных предмета. Эллипсоиды встали на шесть ног и запрыгали следом, как блохи.

— Не могу, — честно закричал и рухнул на колени, не выдержав спринта. Рука Ласточкина перестала тащить меня. Я услышал какой-то свист, а потом резкие звуки взрывов. «Лейтенант» крутил что-то похожее на цепь — только этой «цепи» совсем не было видно — невидимое орудие, протянувшееся на десяток метров, уничтожало «блох» одну за другой. Оно, как будто, цепляло их и отшвыривало, после чего «блохи» взрывались.

— Если б хоть одну пропустил, нам бы каюк, они отлично чувствуют человеческое тепло. А теперь вперед, — и психопат Ласточкин загнал меня в серебристо-сизый кисель, который даже и туманом назвать трудно. Муть, а не туман. Едва ли что было видна на пять метров вперед.

Только вот очки оказались не простые, а с виртуальным обозрением. В них нарисовалась «нить Ариадны», красная линия, визуально расположенная на реальной местности. Вдоль нее надлежало двигаться, вернее нестись, перепрыгивая через рытвины и продираясь сквозь мертвый ёрник <прим. Растительное сообщество с преобладанием карликовых берез>. Техноплесень не сожрала его полностью, а мумифицировала, превратив почти что в проволоку. Этот Ласточкин все время меня подгонял — не увильнешь, да и куда увиливать в таком тумане и в такой «проволоке», а вот напарник-психопат очень легко прорубал её своим «бердышом». Остается только бежать навстречу судьбе. Уже через полчаса я был на последнем издыхании, а «лейтенант» по-прежнему бодр как волк. У него ж на лапах снегоступы. В снег не проваливаются, да и скользят так, будто им трение неведомо.

6. И снова Че Гевара

Наконец-то этот сплошной проволочный ёрник закончился. Туман рассеялся и сейчас было видно, что ниже, в лощине, шагах в двухстах от нас, располагалось несколько избенок, почти полностью закрытых снегом. А возле них сараи, бани, туалеты. Все избушки — покосившиеся, с дырявыми крышами и выбитыми окнами. Не жилые, понятное дело, кто ж будет жить в такой глуши, без колбасы и света. Подходящее пристанище для психопата и место захоронения для его многочисленных жертв.

— Вот и пришли, почти что, — сказал «лейтенант», будто и в самом деле добрался до дома.

Он посмотрел вверх, где как раз прояснился здоровый кусок неба.

— Не нравится мне это, но наверное перебежать успеем, — сказал Ласточкин и снова потянул меня как буксир. «Перебежать успеем» — маньяческая классика.

Перебежать мы не успели. Из просвета в облаках показалась пара роторников и одна из избенок мгновенно превратилась в огненный сноп. А с другой стороны лощины появилось три шагающих танка «МХ Армадилльо».

Прямо из-под снега вылетело несколько ярких точек, они понеслись в сторону роторников, однако погасли, не долетев до воздушных целей. Осечка? Тут один из роторников просто рассыпался, даже и огня-то не было. А другой, уже уходящий в облака, загорелся с хвоста — через секунду пламя добралось до его носа.

Шагающие танки открыли стрельбу. Но хватило несколько разрывов, чтобы всю лощину сплошь затянуло дымом и паром. Сквозь его пелену вспышки просматривались только как всполохи. До меня дошла волна влажной вонючей гари…

Никто бы не стал устраивать танковую атаку и авианалет на простого психопата, даже на двух опасных типов, если еще посчитать меня.

Ласточкин коснулся моих очков — открылось виртуальное окно и я увидел в задымленной лощине контуры укреплений, пулеметов, безоткатных орудий, минометов, большая часть которых находилась глубоко под землей, некоторые прямо сейчас перемещались по подземным ходам. То ли змеюшник, то ли грибница.

Ласточкин, если и психопат, то неслучайный, основательный. У него тут целая база, оставшаяся с военных времен. И, похоже, он решил принять последний бой…

Я оглянулся на Ласточкина. «Лейтенант» как раз наводил миниатюрный ПТУРС на ближайший Армадилльо. Не боится Ласточкин; он, как и все психопаты, считает, что есть вещи пострашнее смерти.

Ласточкин выстрелил, танк ответил, над моей головой пронесся вихрь осколков и я осознал, что «лейтенант» решил принять последний бой со мной вместе, чтобы не скучно было перед смертью…

— Садись, садись, — крикнул вдруг Ласточкин.

— Куда садиться, зачем?

Но Ласточкина уже поглотили клубы дыма, ему было не до беседы. Однако прямо передо мной из снега поднялась небольшая приземистая машина, похожая на помесь крокодила и снегохода.

Я вскочил на нее и «поскакал». Без раздумий. Почему, зачем, куда скачу — на эти вопросы я и не пытался ответить. Я просто метался по полю непонятного боя, как броуновская частица — налево-направо, налево-направо. Правда, в это время я пытался еще познать систему управления странным транспортным средством. Пока познавал, «крокодил» унес меня от «огненного дракона», который выжег почти весь склон. Испарившийся снег ненадолго облачил дракона в волосатую сизую «шкуру». Однако пару секунд спустя ему стало в ней тесно, он вырвался из нее своим огненным телом, и хлынул вниз, в лощину, чтобы порезвиться и там. Потом я понял, что это был управляемый объемный взрыв. А тогда я думал только о том, как бы пришпорить своего крокодила.

Он перескочил через заснеженный забор, пролетел по огороду, пробил еще одну ограду и… прямо перед ним, метрах в тридцати, разлетелась в клочья избушка.

И вот, стряхивая обломки, перед мной возник во всей ужасной красе пятидесятитонный «Армадилльо», который палил из автоматических пушек по западному склону лощины. Туда же уходили дымные залпы из его ракетных установок, имеющих форму призмы.

У меня в голове от рева и грохота танкового оружия наступило полное затмение.

А «Крокодил» по-прежнему мчался на бронированного гиганта. За мгновение до того, как по мне сработала бы активная защита Армадилльо, «крокодил» затормозил — совсем рядом брызнули фонтанчики взрывов. А потом он снова дунул вперед. Секундой спустя я был ровно под днищем у шагающего танка. И тут «крокодил» остановился.

Я оказался в роли первобытного охотника, который случайно забежал под брюхо динозавру, то есть мамонту. Бронированный

монстр тут же стал приседать — не зря же его сделали похожим на древнюю рептилию — машины идут теми же эволюционными путями, что и мы, белковые.

За мгновение до того, как брюхо Армадилльо должно было расплющить меня, я вместе с «крокодилом» провалился в окоп. Упавшее сверху брюхо сотрясло землю, что уж говорить про меня, в каждой моей клеточке хромосомы ударились всеми костями о митохондрии.

Завидую киношным героям, возьмет его, скажем, циклоп и тираннозавр, да и шмякнет об стенку, а герой даже не побледнеет, лишь стряхнет пыль с лацкана и пойдет метелить обидчика. А я у меня в голове одна пыль вместо мыслей. Но все же секунд десять спустя (а мне показалось, что на следующий день) я осознал, что не просто в окопе, а стою на какой-то платформе, она даже покачивается под ногами. Еще на платформе находится установка, похожая на безоткатное орудие с автоматическим управлением. Здесь что-то вроде робо-дота? Армадилльо тем временем еще раз приподнялся и снова плюхнулся вниз, диким грохотом сотрясая землю. Я понял, что следующего раза мои хромосомы не выдержат, а то и дот расплющится вместе со мной. И, хотя с безоткатными пушками я не шибко знаком, но ухитрился развернуть ствол в самое брюхо шагающего танка, считай в зенит — я же зенитчик — и нажал красную и зеленую кнопки на пульте орудия.

От нажатия до выстрела было с полсекундочки, я успел прыгнуть в какую-то щель, а затем меня еще забило поглубже горячей плотной удушливой волной. Я наверное минуты две кашлял — да что там кашлял, выворачивался наизнанку — и плевался, и рвал желчью, а потом полез обратно к орудию. И увидел над собой пробитый небосвод, броненебо в кровавых соплях. Это было днище Армадилльо с приличной дырой, из которой вытекал расплавленный металлопластик и свисали провода и кабели.

Я вскарабкался на безоткатное орудие, уцепился за один из свисавших кабелей, сохранивших изоляцию, и, подтянувшись на руках — благодаря работе со стеклотарой конечности у меня стали как рычаги — запустил ноги в дыру. Следом втиснулся сам.

В этом отсеке танка было темно и дымно, но очки Ласточкина автоматически переключились в тепловой режим и я увидел, как в мою сторону разворачивается человеческая рука с пистолет-пулеметом. Она была похожа на змею, готовящуюся к атаке.

— Не стреляйте, — крикнул я вражескому танкисту и, подхватив какую-то железку, ударил его по руке, а потом и по голове. Тут и выяснилось, что моя железяка — это здоровенный

гаечный ключ. Противник упал, словно нырнул в бассейн, и уже не «выплыл». Но в отсек заглянул еще один член экипажа и, вскрикнув что-то вроде «Shit», бросил в мою сторону какую-то банку. Он попытался сразу же запахнуть клинкетную дверь, но я сыграл гаечным ключом, как клюшкой, и забросил банку в закрывающийся створ дверей. Так сказать, алаверды. Дверь всё же закрылась, но через секунду распахнулась снова, уронив на порог дымящееся тело танкиста и выпустив удушливые газы.

Я ткнул пятерней в кнопки на бортовой панели, на них были символы, напоминающие вентилятор. И, в самом деле, заработала мощная вытяжка. Я подобрал пистолет-пулемет, выпавший из рук первого танкиста, и перешагнул через полегшее костьми тело второго.

Шаг вперед, рывок наверх по короткому трапу, я просунул руку в открытый люк и выписал круг работающим пистолет-пулеметом.

Потом выбрался сам. В рубке Армадилльо живых уже не было. В креслах лежали тела двух ооновских пискиперов. Судя по национальным эмблемам на обшлагах — канадец и поляк. Отъездились. Блаженны миротворцы, но это — чмуры, а не миротворцы. На удивление пули практически не задели аппаратуру. По прежнему функционироововали экраны радара, целеуказания и кругового обзора.

Снизу послышался шум, грохот тяжелых ботинок, а потом голоса.

— Заходь. Супостата тут нет.

В рубку Армадилльо влез офицер с майорскими нашивками, за ним еще несколько военных. Русские военные в позабытой уже форме. Майор даже был чисто выбрит. Значит, Ласточкин не одиночка-психопат, а самый настоящий офицер действующей воинской части. То есть был офицер, он ведь там, на склоне, пал смертью храбрых.

Майор отдал честь и представился:

— Командир группы специального назначения, майор Бреговский.

— К сожалению, я не могу повторить ничего из сказанного вами; был когда-то сержантом, не более.

— Вы лучше чем командир, вы — оперативный связной, — определил меня Бреговский, пока остальные бойцы рылись в рубке; вероятно, они искали сигареты.

— А почему я ничего об этом не знаю.

— Вы не должны были иметь о своей функции никакого представления. Только таким образом можно предотвратить утечку информацию в период консервации.

— «Консервация» — какое-то знакомое слово. А кого консервировали?

— Нас, — в люк просунулся детина Ласточкин, в обгоревшем камуфляже, с дырами в наноброне, заросшей некрасивыми потеками, с дикими красными пятнами на физиономии. Но живой. Настоящий лейтенант. Этому человеку не повредил даже «огненный дракон»!

Ласточкин подошел к системе управления, невежливо скинул труп пискипера с кресла и через десять секунд доложил:

— Можно ехать, ходовую часть и двигатель я уже проверил. Командир, вы же танковое кончали.

Бреговский с сомнением взглянул на пульт управления.

— У нас все как-то иначе выглядело. То, что у нас было наверху, здесь внизу, что было слева — тут справа. Вместо рычагов — кнопки, вместо кнопок какие-то пупырышки.

А мне показалось, что здесь всё похоже на управление обычного автомобиля. Ласточкин перехватил мой яснеющий взгляд.

— Давай, связной, покажи класс езды.

Спецназовцы закурили, передавая по кругу трофейную сигарету. Я сел в освободившееся кресло, наложил руки на троды управления и мои очки открыли для меня виртуальные окна. Борта машины сделались прозрачными, я увидел окружающую местность «вживую» и полностью — верхнюю и нижнюю полусферы. Видел и много дальше — вид сверху, как будто наверху висел дрон. Я поднял указательный палец и к нему прилепилось виртуальное окно автоматической трансмиссии. Легкое движение фаланги пальца и Армадильо аккуратно пошел в шаговом режиме по склону вверх — в виртуоках услужливо возникали скаляры и векторы движения.

На склоне слякоть и грязь уже сменились льдом и снегом. Следом за моим танком двигались… скорее всего, бойцы расконсервированного воинства, все увеличиваясь в числе. Они возникали из каких-то нор и передвигались, в основном, на своих снегоступах, хотя некоторые на «крокодилах». Из-под шлемов картинно свисали длинные пряди и космы (чай, волосня не забывала расти во время «консервации»). Картинка, достойная какого-нибудь исторического романа. Хотя «крокодилов» в ополчении Минина и Пожарского, наверное, не было. А вот снегоступы сто процентов были. Впрочем, оптический камуфляж превращал воинов в снежных демонов из фэнтези невысокого пошиба…

Я «надавил» на виртуальный рычаг тормоза. Прямо по курсу лежало тело пискипера. Судя по комбинезону это был пилот

вертолета — прокопченный ротор валялся метрах в тридцати. Я задал увеличение камерам нижней полусферы — забрало шлема у пилота треснуло, из-под него натекла на грудь кровь, уже впитанная кристалликами снега. Однако не было понятно, убило ли человека падение или что-то другое.

— Поехали-поехали, этот уже отмучился, иначе бы пришлось его пристрелить, — заторопил Ласточкин.

Пискипер вдруг сплюнул — изо рта вытекло воды с полстакана. И грудь его дрогнула. Дышит, живой? Теперь Ласточкин его пристрелит. Грудь пискипера дрогнула еще раз, гораздо сильнее, а потом ткань комбинезона вдруг напряглась, натянулась. Я, даже сидя в машине, отшатнулся как добропорядочная матрона при виде привидения. Дальше больше. Комбинезон пискипера лопнул и в прореху вышел ледяной сталактит, острый ледяной кол, подкрашенный розовым. Комбез продолжал трещать. Лед захватывал тело солдата, разрывая все покровы. Ледяное острие вышло через рот пискипера; потом, выдавив глаза, посыпался снег через глазницы.

— Внутри него мертвая вода, — сказал майор Бреговский. — И как она себя поведет, только ей и известно. После того, как мы проснулись, она убила у нас лишь одного человека — переводчика, который долго жил в Америке, но мы видели, как она разорвала на куски несколько канадских парашютистов. Их не жалко, но смотреть противно.

7. Орки на тропе войны

— Снежные зомби захватывают дистрикт Джугра, — весело зачитывал лейтенант Ласточкин центральную газету Jugra Times, случайно попавшую в его руки-грабли. — Орки-коммунисты воссоздают красный ледяной мордор. Ожившие твари хозяйничают в мертвом ёрнике, сплошь затянутом туманом и покрытом снегом. Люди это или не люди? Зона зимы — это погодная аномалия или результат применения климатического оружия? Аномальная зима убивает нормальных граждан нашего открытого свободного общества, как дикий зверь. Серьезнейшая угроза демократии, впервые за последние пять лет… М-да, сдается мне, сдрейфили они.

Лейтенант откусил кусок «чьюинг-пейпер» и тут же выплюнул. Сразу видно, что человек не привык к такой, с позволения сказать, еде.

А может эти бравые вояки и в самом деле «орки» и «ледяные зомби»? Неужто они просто так пролежали в маринаде целых пять лет? Прямых ответов они не дают, отвечая вопросом на вопрос, совсем как одесситы. Хотя одессит у них только командир — майор Леня Бреговский. Они признают, что пять лет назад их законсервировали. Бойцы говорят, что не видели, как их уложили в братские псевдомогилы, но тут им можно поверить. Не видели они и процессы расконсервации, когда кто-то должен был этих «спящих царевен», так сказать, поцеловать. Тоже дело непростое. Вон китайский император Цинь Шихуанди две тысячи лет назад превратил свою армию в терракотовые изваяния, но спустя много веков не нашлось ни одного могучего колдуна, который смог бы их оживить.

Впрочем, майор Бреговский, он тут самый образованный, объяснил, что не все так примитивно.

Пять лет назад каждому спецназовцу влили внутрь коллодиевый раствор из нанороботов, наносерверов, нанотрансиверов, наноассемберов, нанодеструкторов, наноампул. Эти «внутренние войска» и занимались консервацией: перекрестным связыванием неустойчивых протеины, добавлением в кровь антифризов, вводом в клетки нужных веществ и расщеплением веществ ненужных. Им помогали «наружние войска» — машины размером побольше, которые закрывали место консервации грунтом и дерном, обеспечивали подачу воздуха (его хоть и немного, но нужно), следили за внешними воздействиями, а через пять лет снимали грунт, и давали команду на начало пробуждения внутренним наноустройствам. Но даже умник

Бреговский не мог ответить на простой вопрос, как была запрограммирована дата расконсервации? Было ли зарнее установлено время на будильнике, или сигналом послужило что-то экстраординарное, вроде нынешней погодной аномалии…

В палатку вошел сержант, принеся вместе с собой наружный туман.

— Там опять люди пришли. На топталовке стоят. Надо как-то размещать.

Люди, какие там люди? Очередная порция бомжей и доходяг. Неделю всего я живу у «ледяных орков» — а они мне уже дело нашли, принимать новых людей в партизаны, составлять третье ополчение. Третье, если считать с начала, после того, что создали рязанский дворянин Прокопий Ляпунов и князь Дмитрий Пожарский.

Я натянул снегоступы — верхнюю одежду надевать не пришлось (я ее никогда и не снимал) и направился на «дворцовую площадь» — это такой пятачок между трех засохших кустиков.

Там уже топтался десяток «беженцев в зиму», стояли и покашливали-почихивали, только что сержант с медицинскими нашивками проанализировал у них сопли в носу. У замаскированных амрашей сопли должны были засветиться зеленым светом; так отражают лазерный луч особые антигены, которые есть у тех, кто проходил генную терапию для борьбы с инфекционными болезнями. Но такие «протерапированные» до нас еще ни разу не доходили, может быть, снег убивал их по дороге. Лично я в «зоне зимы» сразу загрипповал, башка болела, гайморовы пазухи и всё такое. А потом перестал считываться мой ID-чип, нет худа без добра…

При виде пополнения я изобразил кривую улыбку.

— Поздравляю со вступлением в ополчение. Каждый вновь прибывший будет обеспечен питанием и крышей над головой.

Ну, вру. Частично вру. «Крыша над головой» — это слишком сильно сказано. Позавчера мы заняли коттеджный поселок, если точнее мы вошли туда, когда его захватил чудо-снег. Но вчера пришлось уйти из коттеджного поселка, сразу после этого враги отбомбились по нему с орбитальной платформы урановыми стержнями — сильное зрелище даже на расстоянии. Стоит дом и вдруг обращается в облако пыли. Теперь на ближайшую перспективу нам улыбается только нора в снегу, по сравнению с которой эскимосское иглу покажется пятизвездочным отелем.

Подошел Ласточкин — лицо уже не такое безмятежное, как при чтении газетки.

— Через полчаса у нас будут «гости», сенсоры засекли передвижение команды рейнджеров.

И уже десять минут народ снегурочек и снегуров был готов к перекочевке — все на снегоступах, в том числе бабы с младенцами, прибинтованными к их спинам. Младенцы были запеленуты в обрывки «универсальной зимней плащ-палатки» из умной саморазогревающейся ткани, которая впитывала мочу и закусывала какашкой. Бабы были хоть и тощие, но жилистые.

Вояки тащили свое оружие и ящики с боеприпасами. Бывшие бомжи упорно несли поддоны, на которых продолжала тихо плодиться еда — грибы и улитки с китайских трансгенных фабрик. Бывшие трудные подростки несли бидоны и обрезки труб, куда были запаяны коллодиевые и гелевые матсборщики. Бывшие проститутки (дешевые, с пригородных трасс) несли в заплечных узлах младенцев, прижитых неизвестно от кого, а то и вовсе «суррогатных». На фоне молодцов-спецназовцев, высоких и крепких, гражданские выглядели низенькими — полтора метра с кепкой, вес «без говна» пятьдесят кило. Часть бойцов перемещалась на «крокодилах», патрулируя окрестности.

Мне показалось, что больше всего маневры нашего ополчения напоминают переселение муравьев, каких-нибудь южноамериканских муравьев-листорезов.

Ополчение тянулось серой змейкой по склону холма к мертвому березняку. Плесень не сожрала его дотла, лишь изгрызла и мумифицировала. Снег и изморозь густо облепили каждую веточку и сучок. Быстро темнело, я опустил подаренные Ласточкиным очки.

В зеленом мире тепловизора не было ничего кроме теней и оттенков. Он напоминал картину художника- абстракциониста, повернутого на одном цвете. Я вскоре различать предметы и первое время просто держался за спиной Ласточкина.

Где-то спустя пару километров перекочевки, напоминающей марш-бросок, мне показалось, что еще немного и я сдохну. Как только движутся бывшие бомжи и бабы с младенцами? Лично мне любой спорт противопоказан. Вместо широкой спины Ласточкина впереди теперь маячила тщедушная спина какого-то бомжа. Вещмешок казался надгробным памятником, трехкилограммовая винтовка была тяжелой как полковой миномет. В отчаянии я прибавил скорость. Сперва перегрузка обрушилась на меня, как двадцать сумоистов, но я прорвал ее.

С полминуты прострации или сна в вертикальном положении — меня будто качала морская зыбь.

Тело сделалось просто машиной, меня перестали душить боль и изнурение. Освободившись от объятий тела, я почувствовал себя капитаном на мостике.

«Капитан» не психовал, не переживал, он относился к телу,

как к кораблю, сознавая меру его возможностей, но без жалости. Масса переносимых вещей, собственного мяса и костей перешла во внешний мир. Давление среды упало, исчезло и рвущее усилие в легких, выветрилась бегавшая по пищеводу дурнота.

Вместо мертвого березняка вокруг плескалось слегка светящееся малахитовое море, по которому прокатывались низкие цветозвуковые волны.

Можно было закрыть глаза и идти просто на «автомате», слушая только похрустывание чудо-снега под протекторами ботинок.

Ветка хлестнула меня по лицу. Я открыл глаза и… «капитана» как не бывало, второе дыхание исчезло, первого тоже почти нет. На меня нахлынули первозданные младенческие чувства — отбился-отстал от своих, вокруг никого! Поскольку под страхом смерти запрещено использовать радиосвязь, а навигация в Зоне Зимы вообще не работает, то получается, что и в самом деле заблудился.

Я тяжело и неуверенно сделал несколько шагов, ноги заскользили на склизком снежном насте, березовая «проволока» хватала меня за отяжелевшие ботинки, ветки прицельно били в пах. Как вода в трюм тонущего корабля, в сердце хлынуло густое отчаяние и заполнило его по самую крышку.

Даже тепловой мир вокруг уже был окрашен не в малахитовые тона, а в мрачные цвета древней бронзы.

Я прошел, вернее пробился вперед еще на сто метров, и ничего. Потерял своих окончательно и бесповоротно.

Я остановился и принялся наблюдать за своим страхом, который перемещался по телу. Стало даже интересно. Когда он пытался забиться в подложечную дыру, я вышиб его ударом воли.

Немного освободившись от страха, я почувствовал что-то новое — волну легкого слегка покалывающего гудения.

Никаких сомнений, это была опасность. Я залег в дохлый березовый кустарник, затих.

Что-то пробежало неподалеку, метрах в десяти. Инфравизор на «что-то» не отреагировал, целеуловитель не «захватил» контур мишени. Я ощутил лишь изменение плотности воздуха.

Следующая «тень» прошмыгнула лишь в пяти шагах от меня. Потом еще одна пробежала. У них почти не было формы, их выдавала только волна, легкое напряжение воздуха, разбивающееся слабой вибрацией о кожу моего лица.

«Тень» накладывалась на «тень». За полминуты мимо проследовало не менее трех десятков «теней». Они струились по мертвому ёрнику, словно для них не существовало ни «проволоки», ни снега, ни рытвин, ни овражков. У этих врагов

искусство камуфляжа было доведено до совершенства. Ни в оптическом, ни в тепловом диапазоне они не выдавали себя. Да и двигались они как члены одного тела. Как огромная многоножка-многочленка.

Можно не сомневаться, в отличие от меня, эти «тени» знают, где сейчас находятся наши спецназовцы и прочие ополченцы. «Тени» идут следом, получая информацию от своих систем слежения, которым удается пробиться сквозь облачность. Может быть, у них даже нюх, как у собак, а в каждой клеточке сидит по маленькому роботу-убийце.

Если дать очередь в воздух, то возможно наши услышат. Возможно. Но эти чертовы «тени» гарантированно кинутся на меня и раздерут в клочья, умоются моей кровью…

А зачем стрелять в воздух? Палец лег на спусковой крючок штурмовой винтовки, левая рука передернула затвор. Я выпустил очередь по цепочке «теней». В ответ сразу свистнула пуля, над головой. Я так резко втянул голову, что чуть не сломал шейные позвонки, хотя как известно, раз свистнула, то уже пролетела мимо.

Огоньки выстрелов были едва заметны из-за пламегасителей. «Тени» были все ближе, но целеуказатель давал только смазанные следы их тел, так что непонятно куда наводить тепловой прицел. Я отключил его и стал использовать люминисцентную прицельную рамку винтовки. Ловил нервные как будто жужжащие огоньки вражеских выстрелов и бил одиночными. Я слышал вопли и ругань на непонятном языке, «тени» стали несколько материальнее, похоже они даже умирали.

Поверх головы прокатился металлический шквал, скосив веточки в пяти сантиметрах надо мной. Несколько поражающих элементов застряли в бронежилете и еще вибрировали, отдавая энергию поглощающим микроспиралькам.

А я жадно вдыхал в последний раз запахи мертвого ёрника, по ту сторону жизни у меня не будет даже этого. Ничто уже не заставит меня встать, здесь уйдет в снег тепло моего мозга.

Но все же, когда несколько «теней» оказалось совсем рядом, я, скинув вещмешок, выскочил из кустарника, вильнул вбок, выстрелил по кому-то в упор и почувствовал на своем лице теплые брызги. Кровь, чужая. Не знаю, что тут меня взбодрило — в каждом наверное живет палеолитовый людоед. Я бежал на эти «тени», ощущая их как летучая мышь, я бежал от них, виляя, как заяц. Кто-то из тех пальнул из подствольника ослепляющей гранатой, мимо, но я увидел врага, которого только что застрелил. Забрало его было снесено выстрелом, а на месте лица имелось просто черное пятно — даже ткани вражеского тела

поглощали свет. И вдруг, прямо на меня, из этого черного пятна поползли, червиво извиваясь, какие-то отростки. Я в ужасе бросился наутек. Мои противники никакие не рейнджеры, это — нелюди, черти-биороботы, внутри у них мощные системы регенерации. И тут что-то ударило меня сзади, словно грузовик наехал. Наверное, это был разрыв мины. Возможно, это наш спецназ, уловив, где ведется пальба, пальнул из миномета. Меня бросило сквозь сухие ветки, швырнуло вниз по склону оврага.

В конце полета я еще влепился в какую-то твердь. И «поплыл», все струилось вокруг меня и даже возносилось, а я не мог поверить сообщениям сенсоров, что бронежилет не пробит и артериальное давление в норме.

«Тени» потеряли меня из виду, однако они рыскали со всех сторон — изощренное зверье с гипертрофированным охотничьим инстинктом. На что я надеялся? Но то же, что и Хома Брут. Что Вий не поднимет веки.

Снова пошел минометный обстрел — я это дело узнаю по характерному свисту — и «теням» стало не до меня. Тем более, я был завален снегом, потому что воткнулся в сугроб, который укрыл меня от Вия и его подчиненных.

Где-то вдалеке разгорался новый бой, шум стрельбы уходил. Я вылез из сугроба и, сделав несколько шагов, ступил на относительно ровный лед. Похоже, подо мной была река или озерко. Лед был толстый, только в толще он отливал не синевой, как обычный, а сиреневыми и фиолетовыми тонами — знак присутствия «мертвой воды».

Неподалеку вмерзло в лед несколько досок, прикрытых каких-то тряпьем.

Я лег на доски и накрылся рогожей. Когда отрубался, дал себе задание: по примеру Штирлица проспать ровно сорок пять минут.

8. Сбежавший монстр

Когда я открыл глаза, было дурно, промозгло и больно. А еще качало. От дурноты, подумал я. Но когда я попытался перекатиться на бок, то свалился в воду. В очень холодную воду, но все-таки жидкую. На бронике надулось несколько поплавков — река понесла меня.

Я был за пределами Зимы. Погодная аномалия осталась далеко позади. Пример Штирлица не сработал, прошло двенадцать часов с тех пор как я отрубился. Навигационная система опять функционировала, показывая, что меня унесло далеко к северу.

Судя по карте, выведенной сейчас очками-экранами, речка Коротаиха доставила мой плот почти что к побережью славного Карского моря… Неподалеку Джугра-Порт — это бывший поселок Амдерма, где и служил мой дедуля, который мочканул американский бомбер.

Навигационной системе энергии еще хватало, но топливные элементы почти что сдохли, остыли тепловые конструкции комбеза, поэтому меня и разбудил холод. Хотя далеко не минус двадцать, как бывало здесь раньше в это время года, температура плюс два, но и этого достаточно для смертельного переохлаждения, если комбинезон намок.

Кое-как забрался обратно на плотик и стал подгребать к берегу — туда, где было несколько мостков, сходни и яхта со звучным названием «Tirpitz». Пока что ни одного человека там не было видно, однако и я старался не шуметь.

Я сгрузился с плотика возле самого берега — река была еще мне по колено — дно илистое тягучее. И вдруг из яхты кто-то высочил и понесся вверху по берегу. Того и гляди скроется за гребнем берегового склона. Но «кто-то» поскользнулся, упал и я его разглядел. Мужчина в комбинезоне с надписью «Tirpitz», видимо яхтсмен. Мужчина снова вскочил и я потянулся к ремню винтовки — а оружия нет, видно утопил его в реке. Я рванулся следом за улепетывающим яхтсменом и успел ухватить его за щиколотку, когда он уже почти выкарабкался. Я дернул его за ногу, что есть сил дернул, и мы вместе с ним покатились вниз.

Мужчина завопил что-то вроде «Achtung Partisanen» и попытался воткнуть мне сверло дрели в глаз. Но одной рукой я успел перехватить его за запястье, а другой рукой… видимо, попытался ухватить немца за горло, но мой большой палец случайно угодил ему в раззявленный рот. Еще бы немного и я бы лишился этого пальца. Чтобы немец не откусил мою драгоценную

конечность, изо всех сил стал оттягивать его нижнюю челюсть вниз.

Яхтсмен вдруг перестал рычать, выпучил глаза и повалился набок. Подрыгался чуток, пустил обильную слюну и вот уже на глинистом береговом склоне лежит всамделишный мертвец, хоть сейчас на кладбище. А еще через несколько секунд за его макияж не взялся бы ни один похоронных дел мастер. У яхтсмена лопнули глаза. Раздвигая кровавые сгустки, из глазниц стал выдавливаться снег, он полз из ноздрей, ушей и рта. Задрожала, имитируя дыхательный процесс, грудная клетка, да еще стала набухать. Затрещали ребра и грудная клетка лопнула — из нее вышел сталактит. В завершение, весь труп яхтсмена покрылся инеем, как у фрица под Москвой зимой 1941 года!

Я — в полном обалдении. Иностранца убила и разорвала изнутри мертвая вода. Но ее тут явно не было, пока я не приплыл из Зоны Зимы. Значит, я заразил его мертвой водой? Значит, я прикончил яхтсмена как натуральный снежный орк? Да, до этого я убивал врагов — натовскую вертушку с двумя пилотами сбил на войне, намедни грохнул виджилянта и двух полицаев, но сейчас-то отправил к праотцам совсем мирного немца. Он, конечно, тут лишний, и ему нефиг делать на нашей земле без приглашения, но все-таки был он безоружный и также, как и все, искал лучшей жизни… А я грохнул. Выходит, мертвая вода всегда во мне, литр, два литра, сколько ее там? А почему она меня не убивает? Из-за нее у меня, похоже, только голова поболела и ID-чип разрушился.

И людей Бреговского она тоже не убивает. Они сказали, что проспали пять лет. А зачем? Когда стало ясно, что война проиграна, то, конечно, спецназ мог принять смерть на поле боя под умными бомбами противника, выкрикивая что-нибудь вроде «старая гвардия не сдается»? Подвиг, но абсолютно напрасный, без надежды причинить какой-либо ущерб врагу, даже без надежды попасть в «книгу подвигов» или в народный эпос. А что давала пятилетняя консервация? Если пролежать пять лет на манер спящей красавицы, а потом встать с гордым видом, то шансов одолеть могучего врага опять кот наплакал. Однако ж, если появится такой могучий союзник как мертвая вода, то это совсем другое дело. И, такое впечатление, что я разношу мертвую воду, как ворон из сказки. Ворон летит в тридевятое царство и возвращается со склянкой, а мне и лететь не пришлось, склянку мне в посылке прислали…

Тут я поймал себя на том, что предаюсь размышлениям не только перед сфинксом неведомой силы, но еще и перед обезображенным трупом яхтсмена. А еще страшно холодно в мокрой одежке. Зубы уже не чечетку выплясывают, а брейк-данс,

и все члены тела им помогает.

Вот доннер-веттер, кто-то звонит растерзанному яхтсмену на мобильник.

Я вынул смартфон и выслушал тираду на немецком. Тирада как будто имела повышающуюся вопросительную интонацию.

Я сказал ja-ja (с максимальным выражением, почерпнутым из старого военного фильма) и отключил звонок. Пройдет ли этот номер? Что ж, назвался груздем, полезай в кузов. По крайней мере, в чужой комбинезон.

Я стащил с немца его комбинезон и натянул вместо своего, мокрого. Вернее разместился в нем. Немец был куда более объемным, да еще его одежка была сильно порвана на груди. Хорошо хоть, что на сходнях нашлась штормовка яхтсмена, прикрыл ею декольте.

Приняв приличный вид, я взобрался вверх по береговому склону. Рядом шла проселочная дорога, покрытая стандартной гэрбидж-плиткой, сделанной из останков прежней цивилизации. На дороге стоял пикапчик. Похоже, это машина погибшего яхтсмена. Я выудил из кармана штормовки автомобильные ключи.

Ключ подошел и я двинул в сторону Джугра-порта. Сейчас это не поселок, а приличных размеров город — неподалеку, в море, «Шелл» активно сосет нефть. Значит так, доеду до окраины, брошу машину и дальше двину своим ходом — пока не набреду на каких-нибудь «неандертальцев», промышляющих на свалках и помойках. Об остальном сейчас не надо думать.

Дорога из плиточной превратилась в наноплантовую эстакаду, которая проносилась над бесчисленными югорскими речушками, над озерками с болотистыми отмелями и берегами, изъеденными сгинувшим уже льдом, над безжизненным столом тундры, где во время войны вымер дружный коллектив водорослей и грибков, именуемый ягелем. Заодно с ягелем сгинули и мелкие кривые березки. Вместо этого одна серая техноплесень… Эстакада стала возноситься к облакам, но не успела уткнуться в небо — пронзительно алыми и желтыми грибами небоскребов на горизонте вырос Джугра-порт.

Я пересек автодорожную развязку — это уже городская окраина, пора бросать машину и двигаться дальше общечеловеческим ходом. Я выбрал первый съезд с высотной трассы, бодро съехал вниз и там меня задержал полицейский патруль.

Полицейская машина остановилась сзади. Двое полицейских сидели в салоне и ждали, пока подъедет еще одна патрульная команда. Второй полицейский автомобиль встал почти впритык к

моему бамперу.

Один полицейский вышел из передней машины, другой из задней, оба неторопливо пошли ко мне. Я тоскливо оглянулся. Справа от дороги — дренажная канава, за ней пустырь, метрах в ста несколько обгоревших остовов старинной автотехники — это поохотились натовские летуны. Слева — двухполоска, на которую вылетают машины со скайвея. За ней какое-то складское здание, полуразвалившееся, довоенное.

Полицейский показал пальцем, чтобы я опустил стекло. Правая рука его недвусмысленно лежала на рукоятке пистолета, выглядывающего из кобуры.

— Документы.

— Машина брата, дал мне покататься, — промямлил я; всё во мне обвисло, включая язык и челюсть.

— Выйти из машины. Руки держать на виду, — распорядился полицейский.

Теперь уже на меня смотрели две пушки.

Едва я вышел, как крепкие полицейские руки бросили меня на капот, обыскали и надели наручники. Полицейские руки поднесли к моему лицу сканер.

— ID-чип не отзывается, — сказал один полицейский.

— Кто такой? — прогудел в ухо другой полицай, до меня долетела даже табачная вонь от его усов. Сигары курит в подражание американским копам.

— Почему вы не говорите, что я могу потребовать адвоката?

— Это тебе не кино. Ну-ка, повернись, красавчик.

Тычок мощного кулака в живот вытряс из меня потроха — с полминуты меня выворачивало, желудочный сок пополам с желчью хотел выйти наружу и поздороваться.

— Ладно, поехали, — сказал первый полицейский, более интеллигентного, так сказать, вида.

Нажатием на макушку меня заставили согнуться еще больше, а тычком в затылок усадили в полицейскую машину.

— Кажется, это тот фрукт, который грохнул яхтсмена на Коротаихе, — сказал полицейский на переднем сидении, а «интеллигентный», что сидел рядом, саданул мне локтем в скулу. Блин, как кувалдой — у меня с минуту сыпались искры из глаз.

— Еще раз такое, и я блевану в машине, — сказал я.

— Чего-чего? — промычал собеседник, но предусмотрительно отодвинулся.

Полицейская машина резко двинулась с места, за ней пристроилась и другая. Ребята видно соскучились по делу, из-за этого ко мне такое повышенное внимание.

— Нет, я все-таки должен стравить, — пообещал я

«интеллигентному» полицейскому, ваш некультурный товарищ мне все кишки раздавил, а у меня предъязвеное состояние. Остановите, или я тут вам все замараю, — я булькнул горлом. Очень натурально.

— А ну, попробуй, скотина, — вызывающе сказал «интеллигент», но постарался отодвинуться подальше. Если бы все убиваемые и пытаемые не стеснялись бы гадить на своих мучителей, то наверное убийств и пыток было бы меньше. Кто желает съесть скунса, пусть он маленький и слабенький? Никто, даже самый страшный обжора.

— Да, попробует, попробует, на то он и скотина, а потом нам нюхать эту вонь до вечера, — сказал передний полицейский и остановил машину. — Только в темпе, приятель. Отошел на шаг, стравил и обратно.

Второй полицейский вытащил меня за шкирку из салона, я сделал шаг и наклонился над дренажной канавой. Долго напрягаться не пришлось, из меня полилось…

— Погадил? — спросил полицейский, который стоял в метре от меня, кривя подвижное лицо. — Пошли в машину.

А, может, далеко идти не надо? Зачем мне это — тюремная клетка, суд, потом с хорошей вероятностью электрический стул — всё как в Техасе сто лет назад. Пусть лучше сразу пуля в затылок.

И я как был, буквой «Г», опрокинулся в канаву.

Когда я разгибался, чтобы выпрыгнуть на другую сторону канавы, мне показалось, что моя голова прорывает какое-то препятствие, вроде пленки. Я вынырнул и устремился на противоположный склон канавы — затылок просто пульсировал, ожидая пулю. Но я не смог с первой попытки выкарабкаться — руки-то скованы — да и канава вдруг оказалась вся затянутой испарениями. Однако стрельба началась, когда я уже преодолел склон. Метрах в двадцати от канавы я не удержался, при всем моем страхе (диком, животном и так далее), обернулся назад и обомлел.

Позади меня оставался облачный след, как от самолета! Двое полицейских кое-как проглядывали сквозь туман, застилавший канаву, но они были по ту сторону, а еще двоих я не видел.

Выстрелов больше не было, но я продолжал удирать, домчал почти до сгоревшего вездехода. А потом остановился, подождал пару минут — явная тишина — и пошел назад.

Туман, застилавший канаву, немного рассеялся, почти вся она была заполнена шугой, а еще в ней было два ледяных образования, похожих на сталактиты. На верхушке одного из сталактитов, образуя авангардный монумент, находилась полицейская фуражка. Это что — замерзшие полицаи? Еще один

полицейский лежал на склоне — ногами в канаве, лицом вниз. Его затылок был пробит изнутри ледяным клином. Последний полицейский распростерся около двери машины. Штанины его, до колена, заледенели, а из его рта медленно вытекала вязкая прозрачная жижа.

Минуты три я вытаскивал ключи от наручников из кармана полисмена и пытался попасть в отверстие замочка. Я еще не закончил, когда рядом остановился автомобиль. Я улегся за открытой дверью полицейской машины и видел только ноги приближающегося человека. Виджилянт — этих типов сразу можно узнать по ковбойским сапогам. Ковбоец, не видя меня, стал окликать:

— Эй, парни, что у вас случилось?

Я наконец избавился от наручников, ну и вломил виджилянту от души, едва он обогнул машину. Рукояткой полицейского пистолета в лоб.

Потом, честно признаюсь, вытер о виджилянта ноги, сел в его джип и поехал в центр Джугра-порта.

Пока я ехал по трассе, навстречу пронеслось несколько полицейский автомоблей, в том числе «хаммер» с приличным вооружением — я едва усмирил свою вегетативную нервную систему, которая хотела вжать педаль газа в пол.

Вышел около большого торгового центра, снаружи напоминающего ледяные торосы. Надо было купить одежду, используя трофейные наличные, и выйти через другой ход.

Центр «Marine Palace» включал в себя немыслимое количество торговых залов, стилизованные под подводные пещеры с сокровищам а ля «Tomb Rider». Товары были навалены в сундуки — бери не глядя, плати по весу — как в раю. Это был потребительский рай, потрясающий своим изобилием на краю обитаемой земли. Да что там рай, это был своего рода коммунизм, обеспеченный технологиями молекулярной разборки-сборки, где от каждого амраша по способностям, каждому амрашу по потребностям… Три поколения советских людей мечтало об этом самом, но впустую, потому что не дожили до нужных технологий, да и четвертому поколению сюда заходить не стоит. Потому что ему не хватает ни способностей, ни потребностей. А вот амрашу можно имплантировать и способности и потребности с помощью нейрософта.

В Marine Palace есть, помимо обильных товаров, еще и неслабые зрелища. Здесь расположены музей освоения севера европейскими мореплавателями и парк аттракционов — ведь продавать развлечения сегодня выгоднее, чем товары. Среди экспонатов музея и парка были милые викинги, романтичные

пираты и кровожадные советские подводники, белые медведи и акулы с горящими глазами, мамонты и морские змеи. Все — подвижные, пасти разевают, ластами шевелят. Музейная экспозиция была непосредственно рассредоточена в торговых залах, которые имели оформление северных птичьих базаров и южных тропических островов. Тропические острова плавно переходили в аквапарк. Практически не отходя от кассы, покупатели могли превратиться в купальщиков. Торговые залы отделялись от бассейнов, водопадов и огромных джакузи лишь зарослями неестественных растений. У них огромные полупрозрачные листья, потому что гены искусственные.

Я глянул через наружное окно — неприятности неподалеку, к трофейному джипу уже подвалило двое полицейских и буравило его пристальными взглядами.

Я прошел по перпендикулярному проходу, который был одновременно кривоватой средневековой улицей, где желтоволосые «девушки»-биомехи предлагали пиво и коттбуллары.

Огромный детина остановился передо мной наклонил голову и сказал. Только из-за его размеров можно было догадаться, что это техманн <прим. биомех, имитирующий внешний вид и некоторые функции человека, в частности коммуникативные и интеллектуальные>.

— Господин, следуйте за мной.

— Это еще зачем?

— Каждый входящий сюда автоматически участвует в лотерее. Вы — выиграли. Извольте получить приз.

Он, возможно, действует по стандартной программе, но на мозги давит. Под конвоем кнехта я вступил в темный переулочек, слегка подсвеченный фальшивыми звездами. Антураж рыбацкой деревушки — сети, гарпуны, крючки, вытащенные на берег рыбацкие суденышки. Прямо за прозрачной перегородкой плавали рыбы. Стоящая вертикально вода в полумраке напоминала волну цунами.

За рыбацкой сетью, отчаянно источающие вонь кильки, была вполне современная дверь с надписью «Подарочный отдел». Кнехт подвел меня к этой двери, и встал позади — еще немного и вдавит меня внутрь.

— Что-то душно стало, — я отпрыгнул, сорвал сеть, накинул ее на кнехта и тут же гвозданул его гарпуном. Острие с хрустом прошло сквозь экзоскелет кнехта и пригвоздило его к борту рыбацкого судна.

Кнехт стал дергаться на гарпуне, как таракан на иголке — кошмарное зрелище — да еще раскачивал суденышко, пытаясь

высвободится. А из песка стали подниматься биомехи, совсем как тролли. Я бросился удирать — и эта братия кинулась за мной, не разбирая дороги, по стенам, по потолку, как ящерицы, на четырех конечностях.

Когда один из них прыгнул на меня, я начал стрелять из трофейного пистолета. Стрелял я, как последний кретин, в несколько секунд растратил всю обойму, кажется двум троллям разнес головы, но не более того.

Однако в Marina Palace было очень-очень много воды — вокруг же аквапарк. Отовсюду забили струи, вода разбросала троллей, сбила меня с ног, потащила, и, чем дальше меня тащило, тем больше было несущейся воды. Она заливала торговые залы, текла по лестницам, пандусам, эскалаторам. Она уносила стеллажи, коробки, прилавки, посетителей торгового центра.

Меня слило в центральный проход и, вместе с потоками, низвергло со второго яруса в холл первого яруса. Визг стоял вокруг неописуемый, водные процедуры уже напоминали водные аттракционы. Вода несла телевизоры, компьютеры, плейеры, одежду и игрушки, манекены и кукол — все сокровища потребительского рая. Она крушила потребительский рай, как воды достопамятного всемирного потопа.

А потом по воде пробежала серебристая волна и настала эпоха хруста и звона.

Кругом лопались прозрачные трубы и емкости — их разрывало льдом. Погасли окромные экраны, выдающие информацию ньюс-серверов. Выключилась голографическая реклама. За десять минут красочный торговый центр превратился в айсберг. Все стало серым и сумеречным. Покрытые сосульками посетители диким табуном вырвались на улицу, вместе с ними слинял и персонал. Лопнула южная стена торгового центра — мертвая вода плохо отнеслась к нанопланту. За исчезнувшей стеной я увидел, как к Marina Palace едет с десяток хамеров, с робопулеметами на крышах, за ними шурует целая колонна полицейских машин с включенными сиренами и мигалками. Впечатляющее зрелище. Я обернулся и побежал в противоположную сторону — но другая стена была на моих глазах искрошена очередями из крупнокалиберных пулеметов. На той стороне, в первым ряду наступающих сил противника, был боевой робот MY100 на шести ногах — этакий скорпион, взамен ядовитого жала безоткатная автоматическая пушка. Вся эта рать уже знала, где я и хотел стереть меня в порошок.

Born to die? Я обратился к Всевышнему с горячей просьбой вспомнить обо мне, ведь последние пять лет он не слишком

много уделял мне внимания. Я вздымал руки и кланялся, мешая строчки из молитв с откровенным вымогательством. «Если Ты не спасешь меня сейчас, то я перестану в Тебя верить, так и знай».

А когда моя молитва уже пошла на упаднической понижающейся интонации, то хрустнул лед, с трудом открылся люк в стене и меня поманила чья-то рука.

Я почему-то сразу понял, что это Нея. В смысле, не виртуалка проклятая, а то физическое протеиново-нуклеотидное существо, которое за скрывается за маской принцессы.

Я нырнул в люк, когда на меня накатывала волна разрывов.

9. За что любят девушки

Нея была поменьше ростом, чем я. Но физически точно покрепче. Пока я ничего не различал в темноте, она тащила меня похлеще портового буксира. Потом мы ненадолго вынырнули на свет, но она сразу затолкала меня в какой-то спецтранспорт, вернее в бак, перевозимый спецтранспортом. Через полчаса — когда я почти околел в мокрой одежде — люк приоткрылся на секундочу и мне кинули сухую робу. Я просидел в холодном скользком баке с запахом гнилой рыбы еще два часа, а потом почувствовал, как мою «жилую площадь» переносят куда-то по воздуху. Неприятные ощущения и попутно мысли неприятные — вдруг уронят меня, чего доброго, и тогда я расшибусь всмятку. Но бак стал на твердое место. Я ощутил вибрацию, которую ни с чем не спутаешь. Так работает судовой двигатель. И мой бак расположился где-то неподалеку от гребного вала.

Бак открылся только через два часа — у меня мочевой пузырь едва не разорвался за это время, но ведь плавать в собственной моче не хотелось.

— Где гальюн, мать вашу? — заорал я, выскочив наружу.

— Вот так рыцарь, — передо мной стояла принцесса Нея. То есть, какая там принцесса! Черт возьми, я знаю, кто это. Это девица из нашего отдела в «Applied Materials», у которой я был на побегушках шесть лет назад.

— Люба, это ты? Любовь Виноградова, это вы?

— Ты же вроде гальюн искал.

— Да! Гальюн я тоже искал и буду искать.

— Выше палубой, направо от трапа.

И я понесся вверх, как голубь.

Любка, гальюн, Любка.

Мне вдогонку засмеялся какой-то мореман в старорежимной тельняшке.

Уф, наконец-то открылась заветная дверь. Горшок — мой, только мой.

Теперь можно расслабиться и подумать о приятном. Впрочем, ничего особо приятного в прошлых взаимоотношениях с Любой Виноградовой не было.

Во-первых, она меня на работу в российское отделение Applied Materials принимала. Когда я ее впервые увидел, то подумал, что эта девка в мини-юбочке какая-нибудь секритутка их тех, что выполняют «принеси-унеси» и вертят круглой попкой перед шефом. Но именна эта «секритутка» раскатала меня как танк на техническом тестировании. Затем Люба написала

благоприятный отчет о нашей встрече и меня взяли на работу — я впервые стал какие-то бабки грести. Я думал, что это у нее из-за симпатии к моей персоне (ведь мы сразу перешли на «ты») и Люба только ждет момента, чтобы придти и сказать: «Я — твоя».

Как же, моя. Она у меня начальником оказалась, хоть и младше по возрасту. Утюжила меня все три года, пока я в Applied Materials работал. Я, как проклятый, доделывал программы за ее фаворитами и писал за них документацию, я бегал на работу по воскресеньям и праздникам, когда другим было влом. И за эти три года Люба ни разу мне не показала, что я глянулся (если не считать одного единственного исключения). Она могла сказать, к примеру: «Останься на работе, когда все уйдут, я хочу пообщаться с тобой наедине, мой красавчик». А «наедине» она долго и обстоятельно размазывала меня за какую-нибудь пустяковую ошибку — перфекционистом я никогда не был и любил проехать на «авось». У Любки был идельный математический ум (который предполагаешь увидеть в каком-нибудь пузатом лысоватом ашкеназе), но, помимо компьютерных наук, она мало что знала. За пределами математики и программирования она была полной инфантилкой-первоклассницей.

Я мог бы ее многому научить, но она ставила меня не слишком высоко, и учиться ничему у меня не хотела. За границами математики и компьютерных наук она целиком полагалась на мнение бойких питерских тусовщиков, среди которых у нее водились дружбаны. Собственно, помимо профессиональных вопросов, ее мало что интересовало. А меня не слишком увлекали профессиональные вопросы, так что мы с ней собственно и не могли сойтись, хотя мой пытливый взгляд всегда приковывала ее тугая попка, грудки-яблочки и презрительно кривящийся ротик. Да, будь я прекрасным атлетом с бронзой бугрящихся мышц и смолью кудрящихся волос, возможно и смог бы достучаться до ее генов, жаждущих размножения. Но до бугрящегося-кудрящегося атлета мне было далеко и десять лет назад. Уже после того, как я уволился, до меня дошли слухи, что Любку забрали в Америку на хороший пост в штаб-квартиру «Applied Materials», так что наши с ней доходы стали различаться в сотни раз. Мне и в голову не приходило, что я могу ей отписать письмецо…

Я вышел из гальюна, прямо передо мной была клинкетная дверь, я не удержался, открыл ее и оказался на палубе. Теперь можно оглядеться. Я на борту буксира. Не портовый буксир, но и не океанский, средний такой. Суденышко сейчас никого не буксировало, но упрямо шло через зеленоватые валы Карского моря, удаляясь от берега к северу. Устойчивость на курсе у

буксира была неплохая, но волна прилично подбрасывала его. Я глянул вверх и мне показалось. что через бледную серость неба я вижу кольца Космического Змея, похожие на три шестерки.

— Можно и змея увидеть, — послышался рядом со мной голос Любы, — и небо в алмазах.

Люба была в мешковатом комбинезоне судового механика, но я все же приметил, что она несколько располнела. Однако это ни капельки не испортило ее. По крайней мере, на мой алчущий взгляд. Всё тот же презрительно кривящийся ротик, в который я столько раз — в своих мечтах — впивался как вампир. Увеличившиеся выпуклости делали её ещё притягательнее. А любины глаза — с чуток растянутыми уголками — снова принялись выволакивать из меня душу.

Так, надо сопоставить факты. Встреча с прежней начальницей, давно слинявшей в солнечную Калифорнию, не может быть случайностью, с бОльшей вероятностью я бы встретил Серого Волка и Елену Прекрасную.

— Принцесса Нея? Ты была ею? Ты втравила меня в эту идиотскую историю?

— В идиотскую историю ты втравил себя сам, когда украл автомобильный борт-компьютер. Есть такой древний закон «Не воруй», в общем и целом он справедлив до сих пор.

— А справедлив до сих пор древний закон «возлюби ближнего своего»? Или теперь он действует в краткой гастрономической редакции?

— И с чего ты взял, что тебя не любят?

— Ах да, мне (и миллионам таких как я) подарили замечательную возможность очистить от своего присутствия бывшую РФ. Все могло быть так культурно, добрые самаритяне из независимой организации «Лучший мир» помогают всем желающим пройти добровольную эвтаназию. Зачем мириться с низким стандартом жизни и отсутствием банковского счета, если можно получить эвтаназионный грант и целый месяц перед кончиной наслаждаться шоппингом. Можно даже купить розовый унитаз со встроенным интеллектом.

— Почему обязательно скончаться, ты бы мог найти свою нишу.

Ох, сколько я слышал таких бодрых голосов по телеку, несть им числа, мол «вертись, совок, и все наладится, будешь жить как в Чикаго». Но даже такая банальщина не портит Любу. Собственно поверх этих произносимых слов я веду свой внутренний мысленный диалог с госпожой Виноградовой. «Ну как ты жила все эти годы?». А она мысленно отвечает: «Материально ничего, но мне так тебя не хватало».

— Конечно-конечно, Любовь моя. Мог найти нишу, уголок, щелку. Мог выращивать в своем организме органы на продажу, печеночку-селезеночку в нанопленочной упаковочке. Вырастил-продал-пополнил счет в банке, снова вырастил. Только благодаря применению «управляемых онкогенов» счастливый владелец счета в банке тянет не дольше белой лабораторной мыши… Скажи прямо, как ты меня нашла и что тебе от меня понадобилось?

Она показала мне рукой, присаживайся, устраивайся поудобнее. Тут за надстройкой, на корме, и в самом деле не слишком ветрено. Минут двадцать можно посидеть на запасных кранцах <прим. мешки с пробочной крошкой, предназначенные для предохранения корпуса судна во время швартовок>.

— Нашла, потому что искала. Вернее, искали тебя мои сетевые боты. И вскоре после того, как ты появился в сети, тебя вычислили по характерным фразам и старорежимному стилю мышления. «Третьим будешь?», «Не хвались едучи на рать, а хвались едучи срати», «Кто там? сто грамм» и прочий соцарт. Если бы не я, то тебя бы нашла полиция и тебе бы не поздоровилась. От одного до трех пожизненных сроков. В этом случае тебе, Сенечка, действительно пришлось бы продажей своих органов удовлетворить иски, предъявленные «вдовами демократии» и Комитетом Защиты Свободы.

— А, значит, ты позаботилась о моем здоровье? Что ж ты, вместо коробки конфет прислала бутылочку с какой-то дьявольской мочой. Ты ведь меня сразу подставила, сделала из меня луч света в темном царстве…

— Это не моча, Сеня, а полимерная вода с модифицированными водородными связями.

— Просто полимерная вода?

— Да не может быть «просто» полимерной воды, Сенчик. Наоборот, это всё сложно. Обычная вода структурно состоит из дигидролей, а поливода — из неограниченного множества молекул воды, сцепленных водородными связями и, так сказать, сшитых квазичастицами, которые прозываются экситонами.

Экситоны так экситоны. Я поймал себя на том, что мне все равно, о чем говорить с Любой. Мне просто нравится заглядывать ей в ротик, из которого изрекаются всякие истины — всё, как и пять лет назад. Как и тогда, я опять в роли фанатично верного вассала. А, значит, являюсь потенциальной жертвой, которую можно одурачить, использовать и выбросить. Все-таки надо как-то ответственнее относится к собственной судьбе.

— Стоп, Любовь. Ты говоришь «вода», а снег и лед, а холод откуда?

— Оттуда, — весомо ответила Любовь. — Рост поливоды, то есть полимеризация, происходит за счет тепловой энергии окружающей среды — система-то открытая. А после понижения температуры до точки замерзания, обычная окружающая вода превращается в лед и снег. В обычный снег, обычный лёд-1.

— Уф, а я уже думал, что это какой-нибудь страшенный лед-6 или 7, для которого требуется дьявольское давление… Хотя и для создания поливоды требуются дьявольские мозги. Должно быть, выстраивание водородной сетки и экситоновых волн должно учитывать миллионы различных факторов. Ведь это происходит не в химическом реакторе, а в естественной среде. Кто ж этим управляет?

Любаша покачала головой, намекая на мою умственную недостаточность.

— Напрямую никто. Полимерная вода находится на самоуправлении. Это среда распределенного искусственного интеллекта, причем он, скорее, напоминают колонию информационных амеб, чем единый организм.

— А почему одних товарищей поливода убивает, а других нет?

— У всех амрашей и пискиперов есть химические маркеры — результат того, что им делают геннотерапевтические прививки, для противодействия гриппу, СПИДу и тэ дэ. Поливода, как информационная система, способна их распознавать.

— И зачем понадобился я в этой сказке о мертвой воде?

— Ты, так сказать, у нас — водяной. Ты состоишь на 80 процентов из поливоды, в то время как другие люди на те же проценты состоят из воды обычной.

Да это то же самое, что сказать человеку, что он состоит из соломы или червяков. Мне от этих новостей то жарко, то холодно, то инь и янь одновременно.

В руке у Любови показалась штука, похожая на большую вилку, только с дисплейчиком.

— Ты с этим осторожнее, проткнешь ненароком, и из меня вытечет вся эта ваша мертвая вода.

— Встань, — приказала она.

Она провела вдоль меня своей «вилкой» — терагерцевый сканер, что ли — и на дисплейчике появился мой светлый образ. Вид изнутри. Целиком и по частям. Берцовая кость, таз, лопатка и прочие куски для «супового набора». Части тела кружатся и показывают себя со всех сторон, особенно позирует череп, улыбка прямо-таки американская. Видно, что от ID-чипа осталась только царапка на решетчатой кости — это, наверное, мертвая вода постаралась. Давняя грыжа пищевода тоже не просматривается —

и здесь поливода меня подправила, спасибо. Но… огромнейшее «но». Появилась во мне какая-то сеть. От крестца, обвивая позвоночник, тянется она к рукам. И самое страшное, несколько ее паутинок уходит прямо в череп. Б-рр.

- Блин, что это за гадость, паутина какая-то? — голос мой был откровенно блеющим, жалобным. Я в глубоком изнеможении повалился на кранцы.

— Это, скорее, система микротрубок, — голосом лекторши отозвалась собеседница, — такая вот структура помогает тебе взаимодействовать с поливодой.

— Я и без поливоды прекрасно бы обошелся. И откуда эта структура во мне взялась?

— Помнишь тот случай, когда на праздновании восьмого марта в трудовом коллективе ты напился и пробовал поцеловать меня. Это было незадолго до твоего увольнения.

— Кажется, я тогда поцеловал стенку. На ней даже не было помады.

Лукавлю, немножко. В тот вечер, вернее на той вечеринке, Люба была непривычно мягкой со мной. Мы танцевали медленный танец, я чувствовал соски ее грудей сквозь ее кофточку и свою рубашку, и таял, как мартовский снег. Она говорила начистоту, что хочет уехать в Силиконовую долину, потому что ей надоело работать с баранами (я деликатно не воспринял это на свой счет). Несмотря на то, что мы всегда были на «ты», мы выпили на брудершафт и поцеловались. После поцеловались еще раз. Я уже понадеялся, что всё будет у нас хорошо, мы станем жить вместе, в уютной квартирке, и не обязательно даже в Силиконовой Долине…

— Тебе кажется, Сеня. Мы поцеловались, а потом уж ты ударился об стенку и маленько отрубился. Ты и так был пьян в зюзю. Пока ты находился в отключке, я задрала тебе рубашку — у тебя и так все было растегнуто — и поставила тебе укол. Порция наноботов поплыла в стиле брасс по твоим кровеносным каналам, у каждого в заплечном мешке кусок рекомбинантного ДНК, у каждого рука-энзим для резки нуклеотидных цепей. Потом ты очнулся, ничего не вспомнил и пошел в сторону унитаза, перебирая руками по стене. Как космонавт.

Можно сейчас поднимать бровки домиком и кричать: «Как вы посмели?». По какому праву вы произвели генные модификации? Да, они посмели, у них права, в том числе на мою душу и тело, и их права защищены адвокатами и правозащитниками… Укол так укол, хотя я бы предпочел, чтобы эта зараза передалась мне половым путем. Однако для проформы надо хоть повозмущаться.

— Без меня меня женили на каких-то рекомбинантных ДНК.

Да как вы смеете!

— Смею, — Любка придвинулась ко мне ближе и я стал ощущать тепло ее кожи, не смотря на свежий ветерок, гуляющий над Карским морем. — Это расплата за твою похоть, за то, что ты пожирал мое невинное тело своими наглыми глазами. Меня ничего не интересовало кроме математики, а ты все пытался заглянуть мне в вырез кофточки. Ты, проклятый похотливец, все время ронял карандаш на пол, чтобы поднимая его, заглянуть мне под юбку. Думаешь, я этого не видела?

— Я был молод и у меня не было девушки! У меня тогда был этот самый… тестостерон. Да и имелось, что посмотреть в указанном тобой месте. Нечего такие юбки короткие носить.

— А я была еще моложе, Семен Иванович, особенно в эмоциональном плане! Я еще не вкусила с древа познания добра и зла.

— Да хватит тебе невинность изображать. Невинные так, как ты, не поступают. Ты приняла меня на работу только для того, чтобы, в итоге, воткнуть свой шприц в моё беззащитное тело. Я тебе сразу не понравился, поэтому тебе легко было принести меня в жертву. Ты приняла на свою работу не мой разум, а мой организм. А затем, как паучиха, три года продержала мой организм в своих тенетах. На той памятной вечеринке ты даже стала имитировать расположенность и какие-то чувства. Сплошное коварство, по этому предмету у тебя точно пятерка.

Она протянула мне вязаную шапочку и улыбнулась так, как заботливая жена. Одень, мол, дурашка, уши озябнут.

И, хотя у меня уже зуб на зуб не попадал, я гордо отверг шапку.

— Не горячись, Сеня, в жертву всегда приносили лучших, а не абы кого. Я выбрала тебя, потому что у тебя были достаточные способности, ведь структура управления поливодой потихоньку использует ментальные ресурсы мозга через диффузный нейроинтерфейс. Я выбрала тебя, потому что ты мне понравился, потому что хотела с тобой работать вместе, каждый день, в одном офисе, я хотела ежедневно с тобой общаться и выслушивать твои далеко не всегда удачные шуточки. Для меня, в то время, это был максимум влюбленности.

— Ладно, «максимум влюбленности» уже не измеришь, а вот просчитанность эксперимента поражает, — признался я. — Сетчатая структура для управления поливодой возникла во мне за пять с лишним лет до появления поливоды. Кто все это спланировал?

— А я тебе всё равно правды не скажу, должен понимать, — Любка поднесла свои изумрудные глазищи так близко, что у меня

затряслись поджилки и заколотилось сердце. — С тебя достаточно знать, что существует некий Центр, который обрабатывает столько информации, что способен прогнозировать события и планировать свою реакцию на много лет вперед.

— И Центр этот явно не Москве располагался, а за морем. Как же ты дала себя завербовать врагам твоей страны? Что насчет нравственности и патриотизма? Твой же дед вместе с моим дедом в восемнадцатой армии воевал, они вместе Будапешт брали и Вену.

— У настоящих профессионалов, по большому счету, нет нравственности, про патриотизм я уже не говорю. Их интересует только возможность самореализации. У ученых нет своего народа и своей страны, у них есть только своя наука. Запиши это себе в мозжечок.

— Про интерес к баблу тоже записать в мозжечок?

— На начальном этапе важно и обеспечение полного материального благополучия, чтобы ничто не мешало самореализации, — солидно ответствовала Любовь, как не поверить. — Но, тем не менее, группу Бреговского спасла я. Не так давно ЦРУ пронюхало про наших законсервированных друзей и начало искать их. Центр поставил мне задачу опередить цэрэушников — иначе бы всему спецназу крышка. Искала лично я, так что ребятки из команды Бреговского мне сильно обязаны и порвут за меня любого, учти.

— Конечно-конечно, ЦРУ — это тупые бюрократы, не способные на тонкую многоходовку. А вот интеллектуально развитый Центр выпустил из погреба ледяных орков, создал атмосферу кризиса, и у ооновского правительства появился наконец микроскопический, хотя и реальный враг. Какая-нибудь крупная корпорация теперь получит заказы на новую военную и полицейскую технику, конгресс выделит миллиарды на сокрушение «самой большой угрозы нашей демократии со времен энергетической империи Медведева». Очаг «ледяного руссофашизма» будет задушен с большой помпой, с вручением многих премий и обильными славословиями в честь «несокрушимой свободы». Голливуд снимет блокбастер под названием «Твари». Немножко специй в пресное блюдо никогда не повредит, так? Именно это нужно вашему Центру. Угадал?

— Так. Могло быть так. Однако Центр решает совсем другие вопросы.

Ну, Любовь Рафаиловна, здесь ты не будешь меня водить вокруг пальца, демонстрируя превосходство своего разума. В неточных науках я и сам мастер анализировать, подперев буйну голову кулаком.

— Я знаю, по поводу чего волнуется Центр. И даже могу ему ему посочувствовать. Ах, эти хакеры-вонякеры. Они запросто украдут какую-нибудь новейшую интеллектуальнейшую технологию, или она сам к ним переползет, чай не дура. И начнут они удовлетворять свои потребности, не платя ни цента в супермаркете, не поглощая рекламу и не прося кредита. Так, глядишь, возродится натуральное хозяйство, и от ооновской «демократии» останется нуль на палочке. Под предлогом борьбы с руссофашизмом можно и хакеров передушить. Так?

— Могло быть так, — опять уклончиво ответила Любовь и сказала. — Посмотри вокруг… какая широта — знаешь?

Я огляделся вокруг — по зеленоватому оттенку воды понятно только, что это Карское море. Льда нет, но и купаться не тянет.

— Семидесятая? — сказал наудачу я.

— Семьдесят вторая. Но льда нет до самого северного полюса.

— И какая связь?

— Безо льдов что-то не то творится в высоких широтах. И это может отразиться на всем земном шарике. Катастрофически.

— Что ты темнишь? Что творится? Земля Санникова всплыла? Планета Земля начала партизанскую борьбу?

— Зафиксирован подъем суши в некоторых местах. Не исключено смещение магнитного и даже географического полюса. Не время сейчас делать научный доклад, но, по мнению экспертов, планета, как большая система, выходит из устойчивого состояния. Вот это и волнует Центр в первую очередь.

Центр, центр, что это за центр волнующийся такой, прямо пуп земли. Меня терзают смутные сомнения…

— Центр — это не те ли ребята из закулисья, которые организовали сибирскую войнушку и сгубили матушку Россию вместе с зимушкой-зимой? Только они не ожидали, что Россия — это такой камень, который из мирового здания так просто не выдернешь, может всё посыпаться. И когда стало сыпаться, ребята из закулисья решили немножко отыграть назад.

— Ага, пофантазируй еще с полминуты, — издевательски предложила Любка.

— Я про комитет «Омега», о котором писали некоторые наши газеты в канун сибирской войны. Скопление всяких ротшильдов и прислуживающих им математиков с секретной штаб-квартирой в лондонском Вест-Энде. Денежные мешки и специалисты по теории игр. Играли вот играли и доигрались.

— Так ротшильды или математики? Как-нибудь определись.

— Я и пытаюсь, Люба. Допустим, кто-то из ученых экспертов, математиков и физиков, работавших на Омегу, откололся и

создал собственную организацию. Специались по теории игр в один прекрасный момент переквалифицировались в специалистов по теории пристойного поведения. В конце концов, ученые должны смотреть дальше, чем жадные капиталисты.

— С этим невозможно не согласиться, — кивнула Любка, — вполне тривиальная мысль.

Я хотел что-то еще сказать, но понял, что всё бесполезно — подсознательно я согласен быть игрушкой в любкиных руках. Не найдя слов, я поднял очи горе и мое внимание привлекла низкая облачность. Небеса отяжелели за время нашего разговора и как будто стали давить на беспокойное море. Вообще-то морская болезнь меня не берет, но сейчас я ощутил дурноту. Из мрачной набрякшей тучи вышло что-то очень длинное и извивающееся — ни дать ни взять хвост дракона, проживающего за облаками. От удивления я «встал на дыбы»: вскочил с кранцев, застыл.

— Это что за хренотень, Любовь, ты в курсе?

— Я, как всегда, в курсе. Это не хренотень, Сеня, а УНТ-лифт <прим. лифт из углеродных нанотрубок>, спущенный с орбитальной платформы. Через пятнадцать минут он будет здесь. У тебя еще есть время переодеться.

— Зачем?

— Чтобы не замерзнуть. В наших условиях у нас нет возможности использовать комфортабельную кабину стандартного подъемника. А надо очень попасть на эту платформу, потому что хакеры-вонякеры взяли под контроль орбитальный лифт совсем ненадолго.

Блин, что она еще придумала для моей потрепанной персоны?

— Вот уж нет, я — подопытный кролик, я — белая мышь, но не до такой же степени. Я никуда не собираюсь, ни вверх, ни вниз, ни влево, ни вправо.

— Не хочешь же ты сказать, что ты просто боишься?

— Я не просто боюсь, я очень-очень…

— Он шутит, — голос принадлежал не Любе. Могучий командирский бас и хриплый задорный баритон. Майор Бреговский и лейтенант Ласточкин сейчас подпирали меня с обеих сторон. Если бы они сейчас прыгнули солдатиками в набежавшую волну, то непременно утянули и меня с собой. Я затравленно оглянулся, выворачивая шею, позади стояло еще трое бойцов ледяного спецназа. А ведь мне надлежало обрадоваться своим боевым товарищам, которые выжили в том страшном ночном бою против невидимок.

— Так что ты «очень»? — издевательски переспросила Люба.

Попался, опять попался. Она сделает меня при любом

раскладе. Не могу же я при этих самураях сказать, что заранее перебздел.

Я промолчал, но, наверное, заметно сдулся в оптическом диапазоне.

— Зимнер, с нами не пропадешь, ты только не отставай, как в прошлый раз, — сказал Ласточкин будто даже виноватым голосом.

— Пошли переодеваться, — позвала Люба.

— Да-да, переодень его, Любаша, в подгузники и все такое, — сказали бойцы и с нежностью посмотрели на нее. В их глазах не было фальши — меня не обманешь. А она с нежностью посмотрела на них. Затем подтолкнула меня в плечо.

И повела меня дальше подталкиваниями, тычками и пинками — а я шел на ватных ногах, опасаясь, как бы не навернуться. В моей голове нарисовалась гулкая пустота, как всегда у меня при встрече с непреодолимой силой. На трапе, ведущем вниз, я чуть не пересчитал носом ступеньки.

А потом открылась дверь в какую-то каптерку и я увидел свой скафандр. Дело совсем плохо — буду возноситься на воздуся в костюмчике космонавта. Замерзнуть, сгореть, задохнуться, упасть и расплющиться — всё это в меню, всегда пожалуйста.

— Чего стоишь, раздевайся, снимай манатки, самое время, — повелела Фортуна в лице Любы.

— Как, при тебе? Я стесняюсь.

— Конечно, при мне. Стесняйся дальше, только без меня ты не оденешься по-человечески, да еще и попробуешь улизнуть.

— Хорошо, только гляди в другую сторону, — обреченно сказал я.

— Да я тебя в упор не вижу, так же как и желтое пятнышко у тебя на трусиках.

Но, когда я расстегнул рубашку, ее ладонь легла мне на грудь.

Мое сердце трепетало, как рваное грязное полотнище на топе тонущего парусника, то ли от стыда за свое неважнецкое тело, то ли от страха перед путешествием в небо. Любовь сказала:

— А сейчас не стесняйся, — и провела ладонью от моей шеи до живота.

Совсем другой трепет прошел по моему телу и я забыл о стыде и страхе.

Ее руки заставили меня присесть на какую-то трубу, ее руки опустили мне веки, я ощутил запах ее кожи и тепло ее тела около своего лица. А потом ее руки прижали мою голову к ее груди, и вся моя дрожь растаяла среди ароматных выпуклостей ее тела.

Успокоившись, я открыл глаза и наблюдал, как комбинезон

неторопливо спадает с нее. Вот он сполз до ее пояса, открыв то, что давно манило меня, как оазис в пустыне. Сейчас меня не интересовала конкретика, столь милая сердцу каждого эротомана, я не хотел впиться в ее тело, как жадный сексуальный потребитель. Меня дурманила сама близость, исчезновение стен, перегородок, барьеров, панцирей.

— Почему не раньше? — спросил я, — почему только сейчас? Я же раньше был моложе и лучше кажется.

— Тебе действительно так кажется. Но с тех пор я задолжала тебе третий поцелуй.

Я протянул руки и помог ее комбинезону упасть еще ниже. И не получил коленом в глаз.

Она стала опускаться своим телом, чудесным и умным до самой последней клетки, на какое-то тряпье, валяющееся на палубе — им, скорее всего, протирали цилиндры двигателя.

«Почему все-таки не раньше, — подумал я еще раз, соединяясь с ее плотью, — когда у нас было столько времени в запасе?»

Конечно, я мог бы вспомнить о сексуальной жизни некоторых насекомых самок, которые используют «это самое» для пожирания любовников. Мог бы даже экстраполировать впечатления от богомолов на человеческие взаимоотношения. Но не стал. Дело в том, что для меня открылась дверь, в которую я стучал столько лет. Это Генри Миллер, американский охальник, детально описывает, как устроена «давалка» каждой его новой подружки, которую он обследует сами знаете чем. А для меня было важно, что мечта воплотилась, что мы — такие разные, не просто разнополые, но и разноумные, разведенные миром по разным углам, вдруг оказались вместе, максимально близко, ближе некуда.

Едва я успел излить свои чувства, как она согнала меня пинком, и стала деловито натягивать на мое тело этот чертов скафандр. В нем я сразу ощутил всю несправедливость бытия. Ну, почему бедные простые глупенькие людишки за всё платят по столь высокой цене?

Скафандр весил минимум тридцать кило. Это ж гибкая металлопластиковая броня с актуаторами, придающими ей функции экзоскелета, плюс подкладка, или подскафандр. В нем системы жизнедеятельности и сенсоры — так вот, подскафандр впился в меня, как «железная дева»! Тысячи мелких зондов и коннекторов проткнули мою кожу, вошли в мои кровеносные сосуды, нервные окончания и прочие ткани. Благодаря этой подкладке скафандр фактически слился со мной в одно целое, он стал моей второй кожей. Люба игриво царапнула мою броню и я

это ощутил, как будто на мне ничего не было! Пришлось даже уменьшить степень чувствительности. Какая-то змейка из мундштука проникла мне в горло, вызывая острое желание блевануть. Мама родная, другие змейки втянулись мне в нос, уретру и прямую кишку! Неприлично и даже больно! Столь тесного симбиоза даже я не ожидал. Замерцали дисплеи — верхний надшлемный, нижний подшлемный; прозрачный передний показывал скорости объектов и расстояния до них. Слева и справа к моим глазам приникли инъекторы, прыснули чем-то, ай, я заморгал, но поздно. Не взирая на мои конвульсивные моргания, мигом образовались мономолекулярные контактные линзы-экраны, вслед за тем открылось виртуальное окно.

Судно как будто исчезло, подо мной была бездна морская, надо мной — сфера небесная, с навигационной разметкой в горизонтальной системе координат. Отвесная линия уходила в небесную бездну, как лестница Иакова, как стебель волшебного гороха. Я дернулся от страха, тут же экзоскелет скафандра «услужливо» усилил мое движение. Меня бросило вперед, я столкнулся с чем-то и отлетел, и еще раз столкнулся. Все загремело, зазвенело, виртуальное окно стало прозрачным и я снова увидел каптерку.

— Не суетись, — послышался в наушниках голос Любы. — Иначе ты превратишься в теннисный шарик.

Какое-то время мне казалось, что дверной проем также тесен для меня, как игольное ушко для верблюда, но потом я кое-как протиснулся. Прошел по коридору, пролез в отверстие, которое, скорее всего, недавно вырезали в переборке, и оказался в трюме. Буду знать теперь, что и на буксирах бывают трюмы. Надо мной открылась крышка люка, сверху спустился гордень грузовой стрелы, Люба зацепила гак на скобе, выползшей из моего скафандра, и меня потянуло вверх. А еще стало раскачивать, на море было какое-то количество баллов.

На крышке люка уже стояло четверо спецназовцев — тоже в скафандрах — включая майора Бреговского и лейтенанта Ласточкина. Как живые монументы, как статуи командоров. Они только разок изменили величественную позу, сняв меня с гака. На фоне такой бравой компании я смотрелся не очень выигрышно, как по психологии, так и по экстерьеру, и Люба это, конечно, заметила. Второе, что меня смущало — это нечетко определенное задание. Люба показала мне листок электронной бумаги с планом действий, но писюлька, второпях набросанная на круглой женской коленке, не производила серьезного впечатления.

— Кто-нибудь из нас знает подробности операции? — задал я

почти риторический вопрос.

— Ты все поймешь сам, — поспешил отозваться бодрый голос Любы. — И запомни, я всегда любила тебя.

Угу, так я и поверил, хотя во что мне еще верить? «Хвост дракона», то есть орбитальный лифт, уже дотянулся до палубы судна и оказался УНТ-лентой. На конце ленты болталось подъемное устройство. Оно явно предназначалось не для транспортировки людей, а для устранения загрязнений ленты или для ее тестирования. Бреговский обозвал подъемник червяком, но, скорее, он напоминал цветок о пяти лепестках, ведь он был нанизан на УНТ-ленту, как на стебель. Подъемник представлял собой легкий каркас с линейным двигателем, по сторонам у него было пять гнездовидных держателей для полужестких ёмкостей-грязепреемников. Вот туда мы и загрузились. Виртуальное окно снабдило отвесную линию указателями высоты в виде ступенек через каждые сто метров. Лестница в небо ждала нас.

Меня со товарищи начало возносить — с такой скоростью, что не только про любовь забудешь, ну и как себя зовут. «Ступеньки» проносились мимо, едва удавалось их заметить. Через какую-то минуту буксир стал крохотной точкой на поверхности волнующегося моря, напоминающего сейчас мятую бумагу. А потом мы влетели в облако и сразу попали в зону турбулентности — совсем как летчики. Однако сейчас я был не внутри кабины, а снаружи. Ветер скреб по коже, это нейроконнекторы знакомили мое тело с окружающим пространством — пришлось уменьшить чувствительность скафандра до минимума.

— Не шевелитесь, — гаркнул Бреговский, его скафандр ощутил луч радара.

Подъемник замер, нас болтало посреди ничего, раскрашенного рекламным аэрозолем в цвета халвы и пастилы, я даже перестал дышать от страха. Может быть поэтому ооновский истребитель нас не заметил.

10. Снеговик на орбите

Орбитальная платформа напоминала рой. Это было скопление контейнеров, внутри которых находились поражающие баллистические и кинетические элементы. Баллистическими элементами она уже разок отбомбилась по Зоне Зимы.

Еще там, посередке, был здоровенный многогранник, украшенный шипами. Наверное, для «роя» этот додекаедр играл роль пчелиной матки. Хотя по виду напоминал морского ежа. Внутри «матки», судя по могучим радиаторам, горел термоядерный огонь. Шипы-излучатели «матки» передавали энергию всему «рою» пучками СВЧ и оптической энергии.

Я вспомнил картинку из еще довоенного научно-популярного издания. Автор взахлеб описывал такую вот платформу, которая якобы предназначена для терраформирования Марса.

Может, так оно и замышлялось, в мечтах и думах штатных мечтателей НАСА. Контейнеры должны были сбрасываться на красную планету, вылетающие из них «перья»-пенетраторы — пробиваться к подповерхностному льду. Излучатели «матки» снабжали бы их энергией для растапливания и гидролиза марсианского льда. Из других контейнеров должны были вылетать «споры» техноплесени. Эта самореплицирующаяся структура, выполняя программу, заложенную в нее на молекулярном уровне, решала бы ответственную задачу по производству углекислого газа из любых углеродосодержащих веществ. Марсу же нужен парниковый эффект. Через сто лет там бы уже росли лишайники, а через двести раздалось бы чавканье первого марсианского таракана. Но вашингтонские аналитики решили, что инвестиции, окупающиеся через двести лет, не соответствуют духу свободной рыночной экономики, и эффективнее будет показать фокусы терраформирования на родной голубой планете. Аналитики — люди расчетливые, не романтики, поэтому у них такие большие зарплаты…

Более всего поражали воображение огромные кольца, медленно вращающиеся вокруг «матки» — каждое диаметром в два километра. На этих кольцах видны были батареи бластеров, накачка которых тоже шла от «матки». Кольца соединялись сетью гибких металлопластиковых путепроводов, в узлах сети были закреплены производственные модули, вращением обеспечивалась искуственная сила тяжести…

Впрочем, если по совести, после подъема на орбиту мое воображение было уже не пронять. Двести пятьдесят километров по «ступенькам» отвесной линии, через зоны турбулентности,

через стратосферные вихри. Да еще и с ускорениями-замедлениями. Когда небо надо мной стало черным, и на нем засияли извивы Космического Змея, я уже ничего не соображал из-за перегрузок. Единственное, что меня перестало одолевать по ходу дела — это боязнь высоты. Невозможно беспрерывно бояться одного и того же, хотя я ни секунды не сомневался, что полупрозрачная едва видимая лента лифта может в любой момент оборваться…

— Через двадцать минут они начнут бомбить «Зону Зимы», — сказал Бреговский, когда мы добрались до «пункта назначения», модуля номер семь. — Диапазон доступа для нас — десять минут.

Открылся внешний люк приемного терминала. Мы въехали внутрь и срочно выгрузились из грязепреемников. Манипуляторы терминала сдернули их, как лепестки, и отправили на обработку. Неспешно закрылся внешний люк и толчком восстановилось нормальное давление воздуха. Отсюда мы должны были выйти не в скафандрах, если точнее, без броневого экзоскелета, иначе бы местные датчики это засекли, а в одном подскафандре. Он — серебристый такой и делает нас похожими на ангелов.

Бреговский раздал оружие — огнестрельное мы не могли применять, чтобы не разрушить орбитальную платформу раньше времени. Здесь ничего не полагалось, кроме ножей и тазеров. Пока мы оснащались, майор колдовал у пульта внутреннего люка.

Мне показалось, что Бреговский забыл код доступа, уж слишком сильно морщил лоб — о, как я его обзывал, мысленно конечно. Но последнее проклятье (из десяти матерных слов, поставленных друг на друга) все-таки сделало свое дело и мы вышли в путепровод. Сто шагов по слегка колеблющемуся полу — пожалуй, это были не шаги, а танцевальные прыжки. Искусственная сила тяжести все же сильно уступала земной. А сквозь полупрозрачные стенки путепровода нас заливал космический свет солнца — в целом, ощущения как в раю. Так бы танцевал и танцевал целую вечность.

— А теперь, ребятки, приготовьте оружие.

Танцам — конец. Мы дошли до центра управления, располагающегося в модуле номер восемь. Ждут там нас или не ждут?

Бреговский на сей раз оперативно набрал код. За входным люком была невыносимая темнота — и при этом мы были в помещении, где находились люди. Здесь все было утыкано панелями и дисплеями, судя по тысячам глазков-индикаторов. Фигуры людей просматривались только на фоне этого слабого освещения — просто как контуры.

Принимающая сторона не стала тратить время на вопросы:

кто вы, что вы?

Пока я вспоминал о приемах штыкового боя, кто-то засандалил мне в челюсть, да так хорошо, что я улетел и очутился на полу, наполовину под креслом. Чтобы меня не растоптали, я вцепился в чью-то ногу.

— Отпусти, дурак, — закричал Ласточкин, и я поменял его ногу на какую-то другую.

Эта нога была вражеской и чуть меня не раздавила. От страха я впился в нее зубами. Враг с воплем стал валиться на меня, кресло с грохотом улетело, мое горло было сдавлено стальными ручищами. Мне удалось расцепить руки противника своим блоком и, резко приподнявшись, ударить его лбом промеж глаз. А потом я вспомнил о тазере и с просверком разряда отправил противника в нокаут. Я замахнулся ножом на другого противника — красиво, как казак саблей — оттого, что не решился просто ткнуть его в живот, по кратчайшей. Замах мне обошелся дорого, противник перехватил мою руку, вывернул ее и врезал мне по затылку. Так что до конца боя я пролежал в режиме «stand-by». Когда очнулся, света было уже достаточно. Я нашел себя в кресле, слюни и сопли свешивались наружу, но затылок вроде был цел, если не считать здоровенной шишки. Наверное подскафандр уже подлечил меня. В других креслах сидели коллеги-спецназовцы — все живы, хотя с фингалами. На персонал станции я старался не смотреть — трое мужчин лежали у противоположной переборки, без сомнения все мертвые. У одного из них под лопаткой остался здоровенный десантный нож. Я перевел взгляд на огромные голографические дисплеи, которые представляли окружающее пространство.

— Попал, — сказал Ласточкин, — на одном из экранов запечатлелась вспышка. — Минус один. Ух, а в виртуальном окне боеголовка ракеты выглядела как мой собственный член, управлять легко.

— Нас атакуют, — несколько небрежно заметил Бреговский, — десяток дронов и пара флаеров. Но скоро их тут будет на порядок больше. На подходе несколько эскадрилий космических сил ООН, издалека они стрелять бояться — за нами тринадцатое кольцо Змея. Впрочем, на это наплевать. Мы должны удерживать платформу еще около получаса.

— А что потом? Сбросим боезапас на Лондон или Вашингтон? Сыпанем, как гарпии, им на голову урановые иголки, обгадим их техноплесенью?

— Нет. Мы здесь не ради мелкого хулиганства.

— Это не мелкое. Они это запомнят навсегда. Точно надолго. Пока не придут китайцы и не накормят другим дерьмом.

Береговский скептически покачал головой. Тоже мне стратег. Или это его так гражданка Виноградоф накрутила?

— И что вы намереваетесь сделать?

— Выполнять приказ, Семен Иванович. Бомбардировку «Зоны Зимы» мы предотвратили, а теперь затопим платформу в районе Северного полюса.

— Это что, вместе с собой? Так запланировала наша мадам?

— «Вместе с собой» не было запланировано, но противник уничтожил единственное надежное средство эвакуации — спускаемый аппарат в девятом модуле. Модуль номер семь с УНТ-лифтом также раскурочен.

И я наконец увидел бравую грусть, застывшую в глазах товарищей. Мы — обречены! Испарина вымочила меня всего и сразу. Им-то легче. Много лет они профессионально готовы умереть, они уже разок фактически скончались, когда их законсервировали. А мне это впервой. Пусть жизнь говенная, а пожить бы еще годик, полгодика.

— Подождите, я не хочу пропадать ради какого-то северного полюса. На том плане, который нарисовала Любовь, не было указано никакой точки затопления.

— И не надо было. Наша точка — это полюс. Ты, наверное, пропустил мимо ушей.

И тут я понял, как нас накололи. Любка — проклятая обманщица, самка богомола. Она мне ничего не сказала, она усыпила мое внимание своими ласками, потому что готовила второе издание мифа о демонической «Ал-Каеде». Сейчас мы будем надувать щеки, пускать ветры и топиться без какой-либо пользы для нашей страны и ополчения. Зато какая выгода получается для комитета «Омега» и уолл-стритовских лордов — «враг демократии» не успел объявился, как уже утопился. Нет ничего лучше ужасного, но тупого врага.

— В районе северного полюса? Не могли подобрать местечко получше для устраивания фейерверков. Ничего себе «приказ». Я понимаю, отдал бы его маршал Жуков, а то какая-то Любка Виноградова.

— Без нее нас бы не было, — весомо отозвался Береговский и повторил с каким романтическим трепетом в голосе. — Без Любови нас бы уже не было.

Боюсь, она и Лёню своими ласками оделила.

— Ты это, Сеня, не финти, мы цивилизацию спасаем, — убежденно произнес Ласточкин.

— Накакать на цивилизацию с высокого потолка. Цивилизация охотно поплясала на наших костях, пока вы там лежали в мерзлоте как замороженные селедки. Я видел, какой

оргазм испытывала прогрессивная общественность, когда нас насадили голым задом на шампур. Ни тени печали. Только радостный хор про «конец тюрьмы народов» и закат «тысячелетнего рабства». Кажная сопля хотела ощутить себя успешным борцом за свободу и искупаться в победной эйфории.

— Мы выполним задание, — отрезал Бреговский, показывая, что не желает слушать мои доводы. Истукан чертов, да и Ласточкин ничем не лучше. Это прямо традиция у наших вояк, сурово хмурить брови и грозить пальцем супостату, а потом преданно исполнять всё, что напридумывает этот самый супостат.

— Вы доставите удовольствие только комитету «Омега» и мировой олигархии, — заорал я, а Бреговский постучал пальцем возле виска и отвернулся.

— Если мы сбросим пару контейнеров на Вашингтон, то они пойдут на мировую и какая-нибудь нейтральная страна пошлет за нами спасательный корабль.

Меня уже никто не слушал.

В отчаянии я бросился на них, на всех сразу. Меня сразу оглушили и обездвижили, и кинули в мусорный отсек. Если кто-то, в рубке, нажмет зеленую кнопку, то я вывалюсь вместе с мусором в открытый космос. Конечно, никто из вояк кнопку не нажмет, они — честные и храбрые, а не злодеи какие-нибудь. Но даже и в этом случае мне предстоит упасть с орбиты в Северный ледовитый океан, без смысла и толку… Отсек где-то пять на десять метров; по боковым переборкам стоят штуки, похожие на отвалы бульдозера. Они, видимо, помогают липкому мусору вывалиться наружу; остальной вылетит сам, с ветерком.

По инерционным нагрузкам я понял, что платформа маневрирует, если точнее, меняет орбиту. Эти заводные дураки уже взялись за дело. Я посмотрел по сторонам — тоска, да и на что можно надеяться в мусорном отсеке? Но я же специалист по мусору, я просто профессор мусорных наук. У меня с мусором давние и прочные связи, культурные и экономические, почти что симбиоз. Вот эти пакеты из толстого нанопластика, они имеют положительную плавучесть. Правда, зачем мне сейчас нужна плавучесть? Кроме того, есть у них свойство самостоятельно заштопывать дырки. Причем у небольших дырочек штопка происходит почти молниеносно, потому что пакеты пронизаны наноактуаторами. О чем это я? Какие дырки? Меня никто штопать не будет.

В отсеке также имеется красный рычаг сброса мусора. Видимо, он применяется при ремонтных работах техническим персоналом, облаченным в нормальные скафандры. В этом случае разгерметизация будет более плавной.

Стоп. Куда устремились мои мысли, к полному безумию, мягко выражаясь, к параноидальной шизофрении… Если я даже натяну на себя десять герметических пакетов, то воздуха и тепла мне хватит на три-четыре минуты, а за бортом я все равно маневрировать не смогу. И если даже ухитрюсь доплыть до другого модуля, у меня не будет кода доступа, чтобы открыть внешний люк.

Я еще раз обошел мусорную камеру. В левом дальнем углу виднелось сплетение трубок. Здесь проходит водопровод или канализация, или система охлаждения.

Я порылся по пакетам с мусором — в одном нашлось что-то типа пневматической отвертки. Поднес к трубе, нажал кнопку на ручке отвертки… и отлетел. Металлический стержень пробил трубу, и противодействие отшвырнуло меня. Из трубы что-то пошло — с хорошим напором, паром и брызгами. Ага, теперь «ледяные орки» поневоле откроют отсек и выпустят меня наружу.

Но вместе этого лишь зажглась алая панель с надписью «аварийный выброс». Это что, это как? То ли орки нажали кнопку, чтобы со мной не возиться, то ли сработала автоматика. В любом случае, меня сейчас выбросит в открытый космос. А я еще не готов. Я мог бы пожить еще часок, прекрасный замечательный час с такими замечательно-долгими минутами, которых целых шестьдесят. Тут, в мусоре, наверное, и выпить, и закусить бы нашлось. И журналы «Playboy» с ядреными голографическими девками, наверняка, здесь зарыты. Как без них на орбите-то? И курево, хотя бы на уровне хабариков, непременно имеется.

На панели неумолимо нарисовался отсчет времени. «Тридцать… двадцать девять…». Я застучал в переборки, во внутренний люк — отворите гады. Куда там — эти «гады» довольны, избавились от меня без непосредственного пролития крови.

Что делать, забиться в панике, устроить конвульсиум раньше времени? Нет, профессионалы играют до последней секунды. Где мои шайбы, клюшки?

Я бросился натягивать на себя пакеты, а вокруг меня туман, даже плохо видно, и хочется кашлять-чихать. Источником этого тумана была пробитая труба. Испарения сильно вонючие оказались — канализационная, что ли, труба?

Я посмотрел на отяжелевшие вдруг руки — облеплены снегом, белым волокнистым снегом с коричневыми прожилками. Снег, порожденный канализационной трубой, быстро превращал меня в снеговика. Весело, весело встретим Новый Год. Не хватает еще морковки на место носа. А каунтдаун идет — но я почти не вижу панели. Неужели осталось пять секунд? Снег облепляет

голову, совсем ничего не вижу, и уже не пошевелить ни членом. Я в снежном коконе, и только «змейка» из мундштука вдувает мне в легкие кислород!

А потом случился толчок и внутри меня все перемешалось. Мои внутренности плеснуло, как суп как из упавшей кастрюли. Но спустя пару минут определилось, что, хотя меня выворачивает по страшному, я живу! Я — внутри кокона и лечу под действием недавно приложенной силы, притом ничего не вижу, не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Да и боюсь пошевелить. Вдруг кокон развалится и я окажусь прямо в вакууме.

Спустя несколько минут подскафандр проткнул кокон зондами-иголками и стал передавать картинку окружающего пространства на мои линзы-экраны. Теперь видно, что я лечу рядом с кольцом в сторону лифтового модуля номер семь. И мне почему-то не холодно, как будто этот лед заменяет мне скафандр.

Нет, мимо лечу, неизвестно куда. У меня новый приступ паники. Бояться не грешно, грешно отдаваться боязни полностью. Наверное все-таки во мне остался какой-то «капитан на мостике». Он позволил мне смотреть и анализировать.

Космос был такой яркий, и я уже столь удалился от платформы. Она была у меня словно на ладони. Рой светлячков, пять колец, и посередине гвоздик. Так, ничего особенно на фоне великого Космического Змея. Его пестрый геосинхронный хвост, украшенный бусинками космических курортов и жемчужинками орбитальных городов, был похож на корону для планеты Земля. А она, раскрашенная рекламными стратосферными аэрозолями, напоминала пузатую языческую богиню. В верхних слоях атмосферы выделялась реклама генноинженерной фирмы, занимавшая всю восьмидесятую параллель: «Оживим мамонта, снежного человека, мумию Нефертити — всё для вашей вечеринки». Богиню Землю украшали и стартующие в высоких широтах челноки — их голубовато-пенистые следы напоминали пряди волос. Эскадрилья стратосферных штурмовиков «поднималась» по пятидесятой долготе — они напоминали головастиков, благодаря перистым «хвостикам» и сферической плазменной защите.

А потом платформа сплошь заискрила, как в новогоднюю ночь, была проткнута лазерными спицами, как на дискотеке, и изборождена факелами ракет «космос-космос», как на войне. Впрочем, это и была небольшая войнушка, локальный конфликт.

Мятежную платформу атаковали ооновские космические силы. Я видел, как она уничтожала один за одним роботов-истребителей и сжигала тучи кинетических перехватчиков.

Но в конце сражения «матка» превратилась в косматое алое

облако, кольца треснули и разлетелись огнями, от роя светлячков осталось несколько мерцающих точек. Я порадовался за Ласточкина, Бреговского и двух других парней — погибли в неравном бою, с честью, геройски. Да и врагу насолили прилично.

Я успел понять, почему оставшиеся светлячки мерцают. Это там и сям летают пучки лент — остатки орбитального лифта!

А больше я ничего не успел, даже переключиться на отходной лад — что-то столкнулось со мной, швырнуло и еще раз швырнуло, заставив вращаться вокруг нескольких осей.

Несмотря на наступившую дурноту, я понял, что попал в клубок УНТ-лент. Клубок вращался и разматывался, он куда-то перемещался. Он больше не был связан с седьмым модулем платформы.

И, пусть я по-прежнему не мог пошевелить рукой и ногой, кокон прилип к ленте, как яйцеглист, простите за неаппетитное сравнение.

Но что дальше — несколько сотен километров сверхтонкой ленты были предоставлены самой себе. А я был предоставлен ей.

11. Возвращение Деда Мороза

Здоровенный кусок ленты образовывал что-то вроде лепесткового парашюта и по его колебаниями было заметно, что он входит в атмосферу. А кокон непрерывным вращением накручивал на себя ленту, создавая все более толстый слой изоляции.

Очевидно в какой-то момент я отрубился от страха, духоты, коловращения и перегрузок. А очнулся в момент удара, когда клубок УНТ-ленты шлепнулся вместе со мной в свинцовые воды северного океана.

Утопнуть после того, как пролетел почти три сотни километров с орбиты — обидно. Вот я и не утоп.

Меня, вместе с клубком, качала сильная волна. Снежный кокон растрескался, я стал карабкался вверх, рассекая ленту ножом. Спустя час или может неделю порыв свежего морского воздуха влетел мне в легкие. Я высунул голову и огляделся. Водная поверхность, насколько охватывал взгляд, была покрыта УНТ-лентами, которые образовывали внушительный кусок «зыбкой тверди». Посредине бултыхался плавучий островок диаметром в пять метров — это то немалое, что осталось от клубка. Но под ним ходила ходуном многокилометровая пучина.

Я видел, что «зыбкая твердь» исчезает, по ее краям ленты вертятся, как макароны в кипящем супе. Бурлящее море крутило их и расшвыривало, море знало свое дело и ничто не могло превзойти его в упорстве.

Зыбкая твердь исчезала быстро, однако волна захлестнула меня, когда я еще не ждал. Я сразу оказался по пояс в воде. А там и по шею. Что-то из последних сил поддерживало меня снизу, но эта поддержка слабела с каждой секундой. И с каждой секундой становилось холоднее — подскафандр иссяк, в смысле энергии.

Я стал лупить руками, пытаясь согреться и удержаться на поверхности. Беспомощные бесполезные телодвижения. Но оказалось, что я, как лягушка, попавшая в кувшин с молоком, взбил сливки.

Вокруг меня была шуга. На пять, десять, двадцать метров — снежно-ледовая смесь. А потом, насколько видел глаз, вся поверхность моря была покрыта шугой. Я не тонул, напротив что-то поднимало меня вверх — словно спина левиафана. Снег дыбился, словно под мной всплывала морское чудовище. Еще через какие-то полчаса я видел океан на несколько миль вокруг — ведь я был уже метров на пять выше поверхности воды. Края льда были где-то в миле от меня. Но было дико холодно, из-за

этого я почти ничего не соображал, хотя и понимал, что жив только потому, что заполнен по самую крышку поливодой. Я двинулся вперед, слыша, как хрустит заледеневший подскафандр, а ледяная твердь все более укрепляется под моими ногами. Вместе со мной, как с новоявленным Дедом Морозом, шла зима. Так ведь и Центру хотелось «восстановления льдов в высоких широтах». Значит таков был план Любы Виноградовой? Надежный план, если подумать. Если б я свалился сюда как труп, внутри мусорного отсека, то поливода точно также бы попала на северный полюс.

Из провала в облачности вдруг высочило два флаера — сейчас будут стрелять… Но пространство между облаками и морем заволокло туманом — я увидел только всполохи где-то спереди и сзади, и ощутил ногами сотрясение ледового покрова.

Я шел и дошел до края ледяного острова. На открытой воде колыхалась лодчонка, вернее автоматический спасательный катер для высоких широт с герметическими отсеками.

Катер подставил мне под ноги грейферный трап и направил в отсек правого борта. Когда я лег на койку, крышка люка закрылась за мной и я увидел на экране телеприсутствия, как катер рассекает волну и набирает скорость. Я возвращался на родину.

12. Прирожденный вождь

Порта-Джугра больше не существовало. На его месте был изрядно потрепанный поливодой поселок Амдерма.

На берегу меня встречали спецназовцы и ополченцы. Все, кто мог, передвигались на «крокодилах», остальные на снегоступах. Дроны — уже наши дроны, перепрограммированные — передавали на мои линзы-экраны впечатляющую картинку «вид сверху». Скайвеи были разрушены льдом, также как и вражеские аэродромы, космодромы, системы наблюдения — или же уничтожены вылазками ополченцев. Из Джугра-сити, восстановившего прежнее название Воркута, из Архангельска и Вологды, из Мурманска и Тюмени, из Нижнего Новгорода, из вдруг заснеженного Питера поступали реляции о победе ополчений. Повторялся 1612 год. Ооновская система C4ISR <прим. Command, Control, Communications, Computer, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance>, призванная поддерживать контроль над всей Россией, благополучно находилась в параличе; пискиперы, лишившиеся связи из-за «погодных аномалий», гибли в снегах или бежали как французы в 1812. Амраши находились в ступоре или бежали следом за пискиперами — нейрософт в их головах явно разладился, то ли физически распался, то ли морально устарел и перестал реагировать на потрясения. Какой-то представитель возрожденной России появился на генеральной Ассамблее ООН. Общим голосованием стран-участниц ему было разрешено присутствовать на заседании и даже выступить с сообщением.

В поселке Амдерма все здания, построенные саморастущим нанопланом, зачахли как орхидеи в заморозки. Зато сохранился Дом офицеров, в котором еще мой дед обмывал правительственные награды. В актовом зале набилась тьма народа, пили за помин души майора Бреговского, лейтенанта Ласточкина и прочих героев — но умеренно. Работа спорилась, «Земский Собор» был в разгаре, мы обменивались сообщениями со штаб-квартирами других ополчений. Меня быстро выбрали в «сопредводители всеобщего народного ополчения». На больших экранах мы видели архангельских, воркутинских, нижегородских, мурманских, тюменских и так далее собратьев. Спутники связи работали в нашу пользу.

Ко мне приблизился пузатый человечек с двумя терминалами под мышкой, портфель он нес в зубах.

Вложив портфель в мои руки, человек представился.

- Боб Понюшкин, можно Боря.

У него был забавный эмигрантский акцент и я сразу понял, что этот тип представляет «Центр».

— И что, Боря, небось принесли счет за услуги?

— Напротив. Мы готовы поддержать вас, все русские ополчения, как в информационной сфере, так и кредитами.

— Замечательно. Начнете теперь славить самодержавие, православие, народность? А сумеете?

— Сумеем, — отрапортовал Боб и словоохотливо добавил. — Мы проанализировали вашу историю с помощью мощных виртуальных экспертов и пришли к выводу, что в ваших условиях, с вашей географией, климатом, плотностью населения — возникшее в 16 веке самодержавие было необходимым. Да-да, необходимым, без него вас бы не стало уже к началу 17 века. Самодержавие связывало огромные территории, создавало условия безопасности, убирало ненужные звенья в государственном управлении, осуществляло необходимую социальную мобилизацию. И, более того, стимулировало местное самоуправление, без которого поддержание государственного порядка на таких расстояниях оказалось бы невозможным. Земские старосты, сотские и прочие выборные власти — это вполне демократично. Но самодержавие невозможно без самодержца…

Это мне нравится, пусть и неискренний он, скотина.

— Понял, сейчас надо срочно выбрать Мишу Романову и назначить ему на роль наставника патриарха Филарета какой-нибудь гиперкомпьютер.

— Слушайте, зачем нам какой-то Романов?.. Время выбрало вас, — сказал Боб тезисом из старой передовицы.

— Меня? А зачем?

— Наши эксперты замечательно вас охарактеризовали.

— Ах да, Любка.

— Миссис Уиноградоф-Харпер в том числе. А мы уже написали предвыборную программу для этого, как его, земского собора. Хотите почитать?

— А вторая-то фамилия у нее откуда? Побывала замужем что ли?

— О разводе я ничего не знаю, — с предельной откровенностью сказал Боб. — Ее супруга зовут мистер Харпер.

— А это кто? Я понимаю, что хороший человек, но, пожалуйста, поподробнее.

— Президент «Наномайнд», крупной корпорации, занимающейся диффузными нейроинтерфейсами, психоимплантами и ветсофтом <прим. программное обеспечение на органических носителях>. Крупные заказы от ООН для сил

безопасности… Извините, господин Зимнер, вы читать будете с бумаги или с экрана, или с электронной бумаги?

Похоже, те прозрачные черти-биороботы, с которыми я сражался в «Зоне Зимы» были созданы трудами Любиного муженька.

— После. Что-то жарко стало. Пойду прогуляюсь.

— Окей, только возьмите пожалуйста охрану.

— Непременно. Буду теперь гулять только с охраной, даже в сортир. Ты вот что, Борис, будь другом, срочно пошли приличную сумму на этот вот почтовый адрес.

Я протянул Бобу бумажку с адресом моей экс-жены — он с готовностью закивал — затем я кое-как пробился сквозь толпу, где каждый второй хлопал меня по плечу, и вышел на улицу. В доме был яркий свет, а снаружи мглистые морозные сумерки… Сама Люба не приехала. Празднует сейчас на своей калифорнийской вилле со своим Харпером, «беби, мы сделали это», запивают не американским дресневидным виски, а французским коньяком, после бегут купаться на океан, потом «занимаются любовью» по книжке какого-нибудь эксперта в области «тантрического секса». Попался бы мне этот Харпер, потоптал бы гада, как русский медведь… Далее мною будут заниматься другие эксперты. Глядишь и самодержцем сделают, кредиты дадут. Через пару лет попросят кредит отдать. Можно не деньгами. С Китаем повоевать или совершить что-нибудь еще глобально-полезное. Для этих «экспертов» — люди как кубики из Лего, не более.

13. Каждому цезарю по бруту

Он шел по улице, состоящей из одноэтажных довоенных домиков — нанопланговые башни и супермаркеты Джугра-Порта сгнили и развалились, их останки обратились в сугробы и торосы. Он шел, играя туманом, который был продолжением его тела, туманным телом. Семен Иванович ощущал туман, как свои руки, как свои крылья. Он мог обратить клубы туман в призрачные фигуры, коней и людей, как из фильмов ужасов.

— Семен Иванович, — его догоняла молодая женщина, в которой он узнал официантку из Дома Офицеров. — Где же вы пропадаете, вас так ищут. Сейчас будут выбирать общего предводителя всех ополчений. Сказали, что все наши будут голосовать за вас.

Она подбежала ближе. Худое лицо, пухлые губы, ярко намазанные красной помадой, чем-то напоминает любимую артистку его молодости — Кейт Бекинсейл.

— А поцеловать тебя можно? — спросил он.

— Конечно, Семен Иванович, — охотно согласилась она и, сложив свои губки в дудочку, закрыла глаза.

Губы ее пахли дешевой помадой, но в поцелуй она вложила всё, что может дать преданная женщина. Как всё-таки хороши, теплы, нежны преданные женщины в туманную холодную ночь.

— Как тебя зовут?

— Настя.

— Ты вот что, Настенька, беги обратно, а то продрогнешь. Скажи, чтоб начинали без меня, я скоро буду.

— Хорошо, Семен Иванович, я побежала…

— Можно звать меня Сеня. Пока, еще увидимся.

Быстро перебирая стройными ножками, она заторопилась обратно с важными новостями, окрыленная надеждой на скорую встречу с «предводителем».

Он тщательно облизал губы, пахнущие ее помадой, еще раз посмотрел Насте вслед и пошел прежним путем… Жизнь удалась, вдруг и нежданно, и теперь все что есть в биографии, даже самое противное и унизительное, обрело глубокий смысл, стало необходимым этапом большого пути. Жизнь удалась, что еще можно желать? Да и сам такой вопрос, всем понятно, чисто риторический…

В конце улице он увидел вдруг какого-то человека. Слишком поздно увидел.

Амраш в дурацкой униформе виджилянтов — широкополой юконовской шляпе, в ковбойских сапогах, в джинсах с вышитыми

мустангами. В руках у виджилянта был раритетный винчестер, которым наверное еще стреляли по индейцам и бизонам лет сто пятьдесят назад — красивое оружие с серебряной инкрустацией на прикладе. А в мозгу, как подумалось сейчас Семену, тот самый «наномайнд», который производится любкиным мужем, мистером Харпером. А не прислал ли этого чудака сам мистер Харпер?

— Ну, чего тебе? — спросил Семен Иванович.

— Ты уничтожил нашу свободу, тиран!

— Да, я уничтожил вашу свободу, — охотно согласился Семен Иванович. — А еще я убил твоего папу. А еще я принудил к сожительству твою мать, отчего у нее рождались одни дураки. Ты в курсе, как переводится с латинского имя «Брут»<прим. лат. Brutus — тупой, дурак>?

Семен Иванович чувствовал воду внутри виджилянта, она словно текла по его пальцам. Семен Иванович мог сейчас моментально уничтожить этого амраша изнутри — ледяным взрывом, обратив вольные дигидроли в полимерные цепи, растущие как черви. Семен Иванович мог поступить, как могучее божество, но неожиданно подумал, что мертвое божество лучше живого.

Выстрел опрокинул Семен Ивановича на землю.

«Вот и всё. Красивая смерть, и она мне тоже удалась» — подумал он напоследок. Потом к нему пришла сама Она, похожая на Любу Виноградову, только без ее недостатков, и повела за собой. Проще говоря, Семен Иванович умер. Мать Всего, которую атеисты некрасиво называют вакуумом, приняла его душу обратно. А ледяной туман тут же покрыл его тело изморозью, окрасив благородным серебряным цветом, как древнего северного князя.

Виджилянт, все еще раздувая ноздри, посмотрел на тело поверженного врага и убедившись, что тот мертв, хихикнул. Наверное, он хотел посмеяться еще и даже исполнить что-то вроде ковбойского танца, но тут ему стало нехорошо. Ему стало совсем плохо, когда лед, разорвав его куртку, вышел изнутри, из его груди. Виджилянт повалился назад, и, хотя он был уже мертв, тело его дрожало — из ушей, глаз, рта и других отверстий лезла снежная масса. А затем он просто лопнул вместе с сапогами и джинсами. На месте виджилянта остался сугроб, «украшенный» окровавленным тряпьем и гирляндами кишек. На вершине сугроба лежал раритетный винчестер.

14. Пуля — дура

У меня часто так бывало, просыпаешься посреди ночи — и ничего не понимаешь. Кто я, где я, какой год, как меня зовут? Понимаешь только одно, что существуешь. И от одного этого факта такое счастье ощущается. Секунд двадцать ощущается, пока всё не вспомнишь. Но сейчас, когда я вспомнил, то все равно был готов плясать. Я был Там, но вернулся! Смерть отпустила меня, моя душа не растаяла в бездне.

Настя прибежала на звук выстрела через пару минут. Она была уверена, что я — уже того. Дырка на груди, а сзади, под лопаткой, вообще пробоина. Но когда подоспели все остальные — минут через десять — они решили, что я, может быть, и не так уж мертв: ранение сквозное, вроде дышит мужик, а вот уже просит выпить для «сугрева».

Тут и ежу понятно, повезло мне вовсе не оттого, что я такой пригожий. Мертвая вода живет во мне и со мной, через меня она изучает наш мир, чтобы стать водой живой.

Из лазарета я удрал посреди ночи, с двумя рубцами, оставшимися на месте дырок. И дунул не на «Земский собор» — всеобщего предводителя выбрали и без меня — а прямо к Настасье, вон сопит рядом…

Я встал и подошел к окну. За тонкой стеклянной преградой гулял древний дух зимы, исконный Дед Мороз. Ненадолго мне показалось, что и сам я — снаружи, кружусь холодным вихрем над землей и морем, восстанавливая свои самодержавные права.

Без стужи нет тепла, без зла добра, без смерти жизни.

Октябрь 2007 — февраль 2008, Порта